

Вячеслав Каликинский

АГАСФЕР

ЗОЛОТАЯ ПЕТЛЯ

ЧАСТЬ II

Детектив с историей (1С)

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Золотая петля. Том 2

«1С-Паблишинг»

2014

Каликинский В. А.

Агасфер. Золотая петля. Том 2 / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2014 — (Детектив с историей (1С))

Главный герой – Михаил Берг, известный любителям жанра по роману «Посол». Бывший блестящий офицер стал калекой и оказался в розыске из-за того, что вступился за друга – японского посла. Берг долго скрывался в стенах монастыря. И вот наконец-то находит себе дело: становится у истоков контрразведки России и с командой единомышленников противодействует агентуре западных стран и Японии. В четвёртой книге Агасфер уже действует в новой исторической реальности, наступившей после революции в России. Герою предстоит поучаствовать в поиске пресловутого золотого запаса Империи.

Содержание

Часть четвертая	5
Глава двадцать восьмая	5
Глава двадцать девятая	14
Глава тридцатая	24
Глава тридцать первая	36
Глава тридцать вторая	43
Глава тридцать третья	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вячеслав Каликинский

Агасфер. Золотая петля. Том 2

Часть четвертая

Глава двадцать восьмая

Столичные волнения

(Москва, 1921 год)

Когда в июле 1921 года на стол комиссара по Амурской области Мейера Трилиссера положили докладную записку о пленении барона Унгерна, тот вместе с радостью человека, сумевшего после долгих мучений вынуть из тела долгое время мучавшую его болезненную занозу, испытал и немалое беспокойство.

Золото, опять золото... После того как атаман Семенов сумел буквально из-под носа большевиков ДВР умыкнуть не менее пяти тонн из золотого запаса рухнувшей империи, у Трилиссера уже была неприятная беседа и с Лениным, и со Сталиным. У комиссара и одновременно члена Дальбюро Российской коммунистической партии, одного из руководителей Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки, по-большевистски требовательно спрашивали о судьбе этого золота, количество которого сравнимо с золотым запасом солидного европейского государства. А также о том, как могли люди из ВЧК-ОГПУ, облеченные особым доверием народа, «прошляпить» столь весомый «кус»? И это при наличии голодающего населения? При наличии множества нужд молодой Советской республики?

О казне Азиатской дивизии сумасшедшего «самодержца пустынь» барона Унгерна всегда ходило много противоречивых слухов. Чекисты сумели внедрить в окружение барона нескольких своих людей, донесения поступали и от разведчиков командира партизанского соединения Петра Щетинкина¹, последние месяцы буквально «висевшего на хвосте» Унгерна.

Многие из этих слухов были противоречивыми. Одни источники клялись, что барон «гол как сокол». Что метания его дивизии по Монголии, в том числе и через труднопроходимые места, исключали саму возможность наличия тяжело груженных обозов. Другие утверждали, что свою казну Унгерн – чтобы не обременяла в быстрых переходах – отдал на сохранение в один или несколько буддийский монастырей².

Склоняясь к последней версии, большинство из советских руководителей и партийных вождей считало, что какую-то часть золота барон все же всегда держал под рукой. Так думал и сам Трилиссер. Именно поэтому он сразу же после беглого знакомства с донесением о поимке Унгерна дал срочную депешу Щетинкину: беречь барона как зеницу ока! Никаких «случайностей» при «попытке к бегству» или самосуда. В другой депеше, направленной полномочному представителю ВЧК по Сибири Ивану Павлуновскому, предписывался строжайший личный контроль за деликатным перемещением барона в Новониколаевск для последующих допросов

¹ Командир партизанского движения в Сибири, участвовавший с первым полком добровольцев партизан Сибири в разгроме Врангеля и затем банд Унгерна. Полный георгиевский кавалер. По иронии судьбы был лично знаком с Унгерном еще со времен Первой мировой войны. С октября 1922 г. – начальник штаба войск ОГПУ Сибирского пограничного округа. Правительство коммунистической Монголии присвоило ему звание «железный Батыр».

² На самом деле казна Дикой дивизии была отдана Унгерном на сохранение ламе Замзину Боло из крупнейшего монастыря Урги Хара – Байяна.

и революционного суда. Никаких железных клеток на открытых железнодорожных платформах (поступали и такие предложения!), никаких угроз на неизбежность пролетарской кары от конвоя. Пульмановский вагон, усиленное питание и прозрачные намеки на справедливое советское правосудие, которое всегда учитывает искреннее раскаяние врагов и их готовность искупить свою вину перед государством рабочих и крестьян.

Тому же Павлуновскому ушла еще одна секретная депеша о тщательном подборе следователей, которые будут работать с Унгерном, и состава трибунала. Никакой спешки: ни в коем случае не торопиться рубить голову «золотоносной курочке»!

Трилиссер потребовал более обстоятельного доклада об обстоятельствах, предшествующих захвату барона, и в ожидании дополнительных рапортов и донесений предался мрачным размышлениям.

Через несколько дней сумасшедшего барона доставят в Новониколаевск и начнут допрашивать. Разумеется, главный упор в этих допросах следует сделать на золото: необходимо любой ценой вырвать у монгольского «нибелунга» признание о наличии этого золота и месте его хранения – но как?

Трилиссер не сомневался в том, что в сибирском Новониколаевске вполне достаточно опытных товарищей, готовых немедленно взять барона в крутой оборот и способных вырвать признание. Но вырвут ли? Унгер враг не простой, а со своей идеологией, к тому же бесконечно ненавидящий советскую власть. Сумеют ли местные «костоломы» – а других «следователей» в России, как втихомолку признавался сам себе комиссар, просто-напросто не осталось – пододать к упрямому барону ключик? Ответ на это мог быть только один...

У Трилиссера было немного времени на то, чтобы поискать для Унгерна настоящих следователей, знатоков человеческих душ в Москве или Петрограде. Он не сомневался в том, что кого-нибудь из старорежимных истинных мастеров своего дела можно отыскать. Однако времени на то, чтобы «перековать» самих этих спецов и быть уверенным в том, что они будут искренне стараться для советской власти – увы, нет... И причина, как говорится, налицо: почти все царские правоохранители если не пересажены или не «шлепнуты», то забились в глубокие щели и отнюдь не афишируют свою прежнюю профессию. Вытащить их несложно – но попробуй убедить, что возвращение к прежней «работе» не будет чревато для них опасными последствиями.

Комиссару отчего-то сразу вспомнился начальник Петербургской охраны полковник Герасимов³. Трилиссеру в свое время доводилось после собственных арестов бывать у него на допросах. Несмотря на классовую чуждость, Герасимов сумел произвести на него впечатление не только своей интеллигентностью, но и необыкновенным нюхом на малейшую ложь. Полковник – надо отдать ему должное – умел за короткий срок расположить к себе почти каждого подследственного. Сам себе комиссар мог признаться: возможно, только обилие работы у начальника охраны не дало в свое время Герасимову достучаться до него самого. И кто его знает – поддержи его у себя полковник еще две-три недели...

Трилиссер пожегся: такие воспоминания были чрезвычайно опасны: глядишь – и превратишься из неггибаемого борца с самодержавием в мягкотелого интеллигентшуку...

Однако другого выхода комиссар пока не видел. Вызвав порученца, он продиктовал ему сверхсрочную депешу в Харьков: немедленно, с соблюдением секретности, доставить из мест-

³ В 1905–1909 годах полковник А. В. Герасимов был начальником Петербургского охранного отделения. 25 октября 1909 году снят с должности, произведен в генерал-майоры и назначен генералом для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов, получал отдельные ревизионные поручения. В начале 1914 вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Во время Февральской революции был арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости. Вскоре был освобожден под подписку о невыезде. В мае 1918 года знакомый предупредил его о возможном аресте, и Герасимов попытался покинуть Россию через Украину, однако был задержан на фильтрационном пункте и снова попал за решетку.

ной тюрьмы в его распоряжение арестованного Герасимова. Конвою разговаривать с арестантом во время этапирования запрещалось.

Поговорю, попробую сагитировать поработать с Унгерном, решил он. Если согласится – можно пообещать отпустить его в Берлин, к жене, где она сумела обзавестись небольшой мастерской по пошиву дамского платья. Ну а в Подлипках⁴ быстренько сделают для бывшего начальника охраны новые документы и подберут рабоче-крестьянскую биографию. Не согласится полковник? Не добьется успеха⁵ – вернуть в тюрьму никогда не поздно! Главное – чтобы никто пока не знал, что комиссар намерен использовать для допроса врага такого же врага!

Чутьочку повеселев от принятого решения, комиссар принялся разбирать грудку накопившихся бумаг. Его работа была прервана резким звонком телефонного аппарата белого цвета, стоящего чуть в стороне от полудюжины обыкновенных, черных.

Это был не совсем обычный аппарат, и за все время работы в Совнаркоме Трилиссер мог по пальцам одной руки пересчитать, когда белый аппарат прямой связи издавал требовательную трель. Звонить по нему могли не более 4–5 человек, включая Ленина и Сталина.

Глядя на трезвонящий белый аппарат, комиссар почувствовал внезапную сухость во рту. Ленин? Но он болен, он в Горках, это Трилиссер знал абсолютно точно. Менжинский или... Сталин? Неужели кто-то из них так быстро отреагировал на его авантюристическую, прямо скажем, затею с бывшим начальником охраны? Кто мог донести? Порученец или кремлевский телеграфист?

С трудом проглотив слюну, Трилиссер откашлялся и нерешительно взял в руку белую трубку.

– Слушаю. Здесь Трилиссер...

– Здравствуйте, товарищ Трилиссер, – раздался в трубке глуховатый голос Сталина. – Что же ты не хвалишься своими успехами, дорогой товарищ? А? Поймал за хвост самого Унгера и молчит, понимаешь...

– Здравствуйте, товарищ Сталин. Извините, не успел доложить. Жду доклада о деталях проведенной операции... Думаю, что...

– Это очень хорошо, что наши советские комиссары умеют думать, – мягко перебил Сталин. – Не знаю, правда, о чем, но я бы, на твоём месте, товарищ Трилиссер, подумал о том, как сообщить об этом нашему советскому народу. Оперативно, понимаешь, и так, как нужно! В «Правде», разумеется...

– Конечно, товарищ Сталин! Но дело в том, что точных подробностей захвата мне пока не предоставили, товарищ Сталин. Сначала сообщили, что барона связали и выдали красноармейцам свои же монголы. Потом пришла информация об операции, блестяще организованной полпредом ВЧК товарищем Павлуновским...

– Трудящиеся могут нас не понять, если им сообщат, что пойман один Унгерн, в то время как остальная его «гвардия» успела разбежаться. Я так полагаю, что надо сообщить о разгроме всей его банды, о захвате в плен его вояк – со знаменами и прочими причиндалами⁶. А ты как думаешь, товарищ Трилиссер?

– Совершенно согласен с вами, товарищ Сталин!

⁴ На секретной базе Коминтерна в подмосковных Подлипках (закодированной в документах под названием «База № 1») находилось производство специальной бумаги для документов, изготовлялись фальшивые паспорта и удостоверения, специальные чернила для их заполнения и другие подручные материалы.

⁵ История умалчивает о том, добился ли Герасимов на допросах Унгера успехов, однако уже через полгода бывший начальник Петербургской охраны генерал-лейтенант Герасимов с документами бывшего писаря Маштакова благополучно пересек границу РСФСР и воссоединился с женой, став ей верным помощником и ведя бухгалтерию портновской мастерской. Умер в Берлине в 1944 году, похоронен на православном кладбище Тегель.

⁶ Официально Сталин главным редактором «Правды» никогда не был, но в истории газеты сыграл значительную роль. По свидетельству ветеранов газеты, он зачастую принимал личное участие в написании редакционных статей по вопросам особой важности.

– Вот и хорошо, что согласен. Я, собственно, позвонил тебе по другому вопросу... Есть мнение, что к допросам барона Унгерна целесообразно подключить товарища Бокию. Ты понимаешь, товарищ Трилиссер, насколько важно вырвать у этого врага советской власти всю правду? По слухам, барон располагал значительными запасами золота, которое он очень постарается ни за что нам не отдавать!

Услыхав неожиданное предложение Сталина, комиссар на какое-то мгновение онемел. Однако Сталин не терпел ни возражений, ни долгих размышлений по поводу своих идей, и Трилиссер быстро отреагировал:

– Лично у меня нет никаких возражений, товарищ Сталин. Чем больше охотников, как говорится, тем меньше у волка шансов. Тем более что я немного знаю о некоторых интересных разработках товарища Бокия в процедуре проведения допросов. С тонкостями я, правда, не знаком...

Сталин рассмеялся в трубку, заперхал – видимо, он и при телефонных разговорах не расставался с любимой трубкой:

– Никто всех тонкостей не знает, товарищ Трилиссер! Глеб мне пробовал объяснять, даже литературу кое-какую оставлял – но никак! «На скаку» суть не ухватишь, а для глубокого вникания просто времени нет... Да... Понимаешь, он работает с такой тонкой материей, что... В общем, эти его штучки-дрючки действуют. А это для нас самое главное, да... Я сказал Глебу, чтобы он непременно зашел к тебе – так что не прогоняй, хе-хе...

Трубка замолчала: Сталин, по своему обыкновению, прервал разговор, не прощаясь.

Бережно положив трубку на позолоченные рогатины, Трилиссер некоторое время с опаской поглядывал на аппарат, словно ожидая, что тот вновь оживет. Идея Сталина, конечно, была еще та!

Выглянув в приемную, Трилиссер попросил порученца никого пока к нему не пускать: сложившуюся ситуацию надо было всесторонне обдумать.

* * *

...На вопрос, какая самая секретная служба в мире, люди обычно отвечают: ЦРУ. Или КГБ. Об этих организациях написано множество книг. А вот об американском АНБ, Агентстве национальной безопасности, известно гораздо меньше... И не просто так: АНБ нынче объединяет лучшие аналитические и агентурные службы. Здесь работали и продолжают трудиться десятки тысяч невидимых прочему миру людей. И о деталях и отдельных направлениях их работы можно только строить неуверенные предположения...

Несведущему человеку трудно поверить в это, однако подобная нынешней американской АНБ организация в нашей стране была создана еще... в 1921 году. Она получила название Спецотдела при ВЧК, и была подконтрольна ЦК партии. Его сотрудники никогда не проводили аресты и прочие «рутинные» следственные действия. Спецотдел занимался разведкой и контрразведкой с помощью технических средств.

Трудно перечислить все, чем занимался в разное время Специальный отдел. Он работал по охране государственных тайн, для чего имел штат агентуры, следящей за порядком хранения секретных бумаг. Другой важной задачей отдела был перехват иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составлял шифры для советских учреждений внутри и вне СССР. Шифровальщики всех учреждений РСФСР подчинялись непосредственно Специальному отделу. Третьей задачей Специального отдела являлся надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану которых несли войска ОГПУ. При отделе имелась канцелярия, фабрикующая всевозможные документы, необходимые для оперативной работы.

В июне 1921 года Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил Глеба Бокия членом Коллегии ВЧК и начальником Спецотдела. С этого времени и до ликвидации Коллегии в июле 1934 года Бокия был членом Коллегии ВЧК-ГПУ-ОГПУ.

Бокия сумел поставить себя так, что никто, в том числе и в ЦК, не удивлялся и не возмущался тем, что к работе Спецотдела привлекались шаманы, медиумы, гипнотизеры и прочие неординарные, а порой и просто подозрительные личности. Особый интерес Глеба Бокии вызывали исследования в области телепатии – умение научиться читать мысли противника было его заветной мечтой. Окружающий мир он считал единой информационной системой.

Отдел Бокии в системе ВЧК-ОГПУ всегда пользовался непонятной и раздражающей многих самостоятельностью. Это родило различные догадки о том, что Бокия вел по заданию высшего партруководства исследования по паранормальным явлениям, зомбированию, восточным мистическим культам и т. д. В подразделениях Спецотдела велись и другие научно-технические исследования.

Все работы Спецотдела финансировались удивительно щедро, причем проводились они обычно под крышей других учреждений и были тщательно засекречены. Например, энергетическая лаборатория Барченко существовала на базе Политехнического музея, Московского энергетического института, а потом под эгидой Всесоюзного института экспериментальной медицины. Тесное общение с мистиками, безусловно, накладывало отпечаток на поведение самого Бокии.

Стоя у широкого окна на третьем этаже здания на Гороховой, 2, где по иронии судьбы до революции размещалось Охранное отделение царской империи, Трилиссер мрачно размышлял о предстоящем разговоре с Глебом Бокией. Это был необычайно вежливый человек, который даже к детям обращался исключительно на «вы». И вместе с тем после нескольких минут общения с «шаманом», как шепотом называли его в доверительных разговорах близкие люди, у любого человека появлялось неприятное чувство. Это чувство было сродни тому, какое испытывает незащищенная козявка, зажатая пинцетом исследователя.

И собственно, ничего удивительного тут нет, размышлял Трилиссер. Ничего удивительного, ибо известно, например, что сам товарищ Сталин учился в Тифлисской духовной семинарии вместе с будущим знаменитым магом, философом и оккультистом Георгием Гурджиевым, и одно время был с ним довольно дружен. Есть также предположения, что Иосиф Джугашвили в свое время состоял в некоем оккультном «восточном братстве», куда входили Гурджиев и его единомышленники.

Любопытным было и само партийное прозвище Сталина – Коба. Трилиссер был человеком весьма образованным и в отличие от многих своих высокопоставленных коллег знал, что сия партийная кличка вовсе не имеет, как думали многие, грузинских корней. Дело в том, что в переводе с церковнославянского оно означает «волхв», или «предсказатель». Так в свое время называли и персидского царя Кобадеса, в конце V века покорившего Восточную Грузию. Трилиссер даже специально истребовал из госфондов библиотеки материалы по древне-византийской культуре, из которых с удовольствием узнал, что византийский историк Феофан утверждает, что Кобадес был великим магом и возглавлял секту с идеалами, близкими к коммунистическим. Например, апологеты царя проповедовали раздел имущества поровну между всеми людьми, чтобы, таким образом, не стало ни бедных, ни богатых...

Нечего и упоминать, что Трилиссер был слишком умным и предусмотрительным человеком, чтобы задавать какие-либо вопросы по поводу прозвища самому товарищу Сталину. Или, хуже того, делиться с кем-то полученной информацией. «Знаешь сам, вот и знай на здоровье!» – так любил поговаривать его старый мудрый отец, который хорошо запомнился Мейеру всегда сидящим на портновском столе, со сложенными калачиком ногами и вечной каплей на кончике носа.

Походив по кабинету, комиссар несколько успокоился, решив для себя, что участие в допросах Глеба Бокии и его «шаманов» снимет с него значительную часть ответственности за результативность работы с Унгерном. Надо бы только выяснить – совместимы ли методы работы «шамана» с обычными допросами? Выигрывал, впрочем, Трилиссер в любом случае...

* * *

А литерный поезд с пленным бароном все мчал и мчал на запад. Впереди него, с часовым интервалом, гнал разведэшелон с двумя теплушками, битком набитыми красноармейцами. Его паровоз толкал перед собой две тяжело груженные балластные платформы с залегшими на них чекистами: уж слишком строгим был приказ Москвы: исключить малейшую возможность побега или возможности отбития грозного барона неведомым противником...

Навстречу ему из Москвы, к той же сибирской станции назначения, мчался другой поезд – хоть и не литерного значения, однако с предписанием⁷. В нем тоже был один пульмановский вагон, два купе которого были заняты членом Коллегии ВЧК-ОГПУ, начальником Спецотдела Глебом Бокией и его ближайшим помощником, учеником знаменитого Бехтерева Бернардом Кажинским, специалистом по телепатической связи и электромагнитным волнам в УКВ-диапазоне. Третье купе занимала усиленная охрана ценных специалистов, а в остальных была сложена объемистая аппаратура Спецотдела, из соображений секретности погруженная в пульман глубокой ночью.

Остальные вагоны этого поезда – некогда классные – были набиты обычной в то спокойное время публикой, основную часть которой составляли мешочники, выбравшиеся из голодной Москвы в надежде поменять мануфактуру и всяческое поношенное тряпье на продукты питания. Вагоны были насквозь пропитаны едким густым махорочным духом и бесконечными сварами беспокойных мешочников.

Еще одно исключение в этом поезде составлял первый от локомотива вагон, в котором ехало несколько военных без знаков различия. Впрочем, новенькие шаровары и гимнастерки, перетянутые ремнями и портупьями, на которых были привешены револьверы, говорили сами за себя: в вагоне ехали явно не перебрасываемые из полка в полк красноармейцы. Люди с портупьями были вежливы, но непреклонны, и с самого начала без особых церемоний изгнали из вагона всех курильщиков. Вместе с ними в первом отсеке вагона ехал одетый в приличную серую пиджачную пару – явно с чужого плеча – болезненно худой гражданин лет пятидесяти с усами, торчащими метелками. Гражданин этот своими манерами и поведением был настолько похож на одного из «бывших», что красноармейские патрули, проверявшие документы у пассажиров на каждой узловой станции, неизменно обращали на него свое пролетарское внимание и документы его рассматривали едва не под лупой. Дело доходило до того, что гражданину несколько раз предлагали сойти с поезда для «разбирательства и уточнения личности», и тогда один из перетянутых ремнями сопровождающих отводил начальника патруля подальше от чужих ушей и, предъявляя свой, весьма весомый мандат, бесцеремонно объяснял ошарашенному «пролетарскому» око что-то на ухо. После этого патруль, краснея и бормоча извинения, поспешно покидал вагон, отыгрываясь на прочих подозрительных личностях.

Нельзя утверждать, что охраняющие «бывшего» гражданина чекисты были проникнуты к объекту своей заботы особым расположением. Они тоже не сомневались в том, что «подопечный» гражданин Маштаков никогда не был пролетарием умственного труда, а имел самое непосредственное отношение к «бывшим». Однако документы у Маштакова были в полном

⁷ Поезд с предписанием – ускоренный пассажирский состав, для которого начальники станций по маршруту следования обязаны были держать под парами мощные локомотивы. Таким поездом предоставлялось предписанное преимущество в движении и «зеленый маршрут» по всему пути следования.

порядке, а у чекистов был ясный приказ: обеспечить означенному гражданину беспрепятственный проезд до места назначения и снабжение его усиленным пайком по категории военного летчика. Вместе с тем чекистам было поручено следить за Маштаковым с тем, чтобы он сдуру не попробовал сбежать.

Лишь один из сопровождающих, старшой, знал подлинное имя своего подшефного пассажира и то, что на самом деле в столицу он был привезен прямо с тюремной шконки. Знал он и то, что бывший генерал-майор при царском министерстве внутренних дел в свое время был начальником Петербургского охранного отделения и виртуозом допросов, сумевшим «сло-мать» и сделать сексотами не один десяток «несгибаемых» пламенных революционеров-подпольщиков. Знал он и о нынешнем задании экс-генерала Герасимова, а также и о том, что его ждет в случае профессиональной неудачи. А скорее всего – ждет в любом случае, ибо такие свидетели для советской власти было вредны и подлежали уничтожению.

Всякий раз, получая свой дневной паек, Маштаков-Герасимов смотрел на окружающих взглядом затравленного зверька. Усиленное питание чрезвычайно смущало пассажира в штатском. Поначалу он несколько раз порывался как можно деликатнее выложить свой пай на общий с чекистами стол, но тут же получая малоскрываемый презрительный отказ.

Кое-кто из сопровождающих взял в дорогу корзинки и свертки с нехитрыми домашними припасами – несколько картофелин, репчатый лук, «благоухающую» и весьма ржавую селедку, небольшие шматы сала. На станциях чекисты по жребию бегали к местным «королям»-нач-продам⁸, кричали и стучали кулаками, требуя пайковые припасы. Однако у вокзальных интендантов вопросов не вызывали только продуктовые спецкарточки гражданина Маштакова – по ним безропотно выдавался белый хлеб, мясные консервы, сахар и шоколад. Всем остальным зачастую приходилось довольствоваться той же ржавой селедкой, полусырыми ломтями черного хлеба и кубиками маргарина, который один из конвоиров с мрачным юмором называл наглядной иллюстрацией по дактилоскопии.

Как ни странно, старшой сумел подняться над классовым самосознанием оперативника ОГПУ, этого карающего меча революции. И чисто по-человечески ему было не только жаль Герасимова, но и понятен его страх перед будущим, смущение от вызывающе «роскошного» для окружающих допайка. И именно он, в пример остальным товарищам, решил, что подать «пальмовую ветвь» – не самое постыдное дело для чекиста.

– Слушай, братва, а чего мы, в самом деле, отказываемся, человека обижаем? Чего рожу кривишь, товарищ Запрудный? Он что – сам себе этот доппаек выписал?! Ему дала летный паек советская власть – стало быть, посчитала это нужным! Ты что, против власти, Запрудный?

И, не слушая ответного лепетания, быстренько расстелил на столике чистую тряпицу, вывалил на нее «маштаковский» кулек и «художественно» дополнил его своими припасами.

– А ну, товарищи, вали все на стол, у кого что припрятано! Гребенюк, где твое сало? Соломкин, у тебя, кажись, картохи вареной малость оставалось? Маштаков, ты угощаешь? Тогда и сам не побрезгуй, товарищ, – он протянул экс-генералу ядреную луковицу.

С того обеда обстановка в вагоне явно изменилась. Лже-Маштаков даже выпросил себе «привилегию» бегать на очередную станцию за кипятком.

Наиболее бдительные пробовали предостеречь старшого от такой самостоятельности: а ну как сбежит «пролетарий умственного труда»?

– Знал бы ты, дурень, с какого «экспресса» Маштаков на наш поезд сел – не нес бы херни! – оборвал старшой. – Ну, вот он и идет! Я ж говорил!

А чуть смущенный своей задержкой и самостоятельностью гражданин Маштаков тем временем гордо брякнул на стол свою «добычу» – два небольших колечка явно конской колбасы.

Понюхав колбасу с видом знатока, старшой одобрительно кивнул:

⁸ Начпрод – должность в Красной армии – начальник продовольственного снабжения.

– Подковы, интересно, успели с этой «говядины» при ее жизни снять? Молодец, Маштаков! Как ухитрился колбасу-то раздобыть?

Остаток пути до Новониколаевска «пролетарий умственного труда» с удовольствием развлекал попутчиков карточными фокусами. И с достоинством принимал жидкие восторженные хлопки в ладоши – не упоминая, впрочем, что лет этак двадцать назад за эти самые фокусы ему аплодировали царские министры и цвет дворянства...

* * *

Московский поезд прибыл в Новониколаевск почти на сутки раньше литерного эшелона с главным обвиняемым. Павлуновскому был представлен в истинном лице специалист по допросам экс-генерал Герасимов и не оставляющий сомнений мандат за подписью комиссара Трилиссера: предоставить гражданину Маштакову потребное ему время для общения с Унгерном. Павлуновский, в общем-то, против ничего не имел – только поинтересовался: какое именно время потребуется Герасимову для нахождения с бароном общего языка?

Герасимов-Маштаков пожал плечами: через два, максимум три дня он сможет определить: есть ли у арестованного Унгерна желание идти на контакт с допросчиком. Не пойдет за три дня – стало быть, не пойдет и за две недели.

Павлуновского, который вместе с местными чекистами готовил обвинительное заключение, срок Герасимова устроил больше, чем неопределенные рассуждения Глеба Бокия об основах психотронного воздействия на человеческое сознание.

Усевшись напротив Павлуновского вместе со своим помощником Кажинским, Бокия неторопливо и, как обычно, негромко, принялся вещать:

– Психотронное оружие – это комплекс привезенной нами уникальной электронно-лучевой аппаратуры, способной управлять психофизической деятельностью человека, целенаправленно разрушать его здоровье. Это высокоточное, разумное воздействие, которое применяется в совокупности с другими типами нелетального оружия и оружия психотехнологий. Поражающим фактором разработок Спецотдела является электромагнитная аппаратура, использующая мощные энергетические источники. Воздействие на арестованного осуществляется на клеточно-молекулярном уровне методом психофизической обработки мозга...

Ворвавшись в первую же паузу, Павлуновский задал свой прежний вопрос: сколько времени потребует это самое, как его...

– Поражающее воздействие, – угрюмо подсказал Кажинский. – Тут не может быть никаких точных сроков, товарищ. И гарантий, разумеется. При психотронном воздействии жертва даже не подозревает, что на ее мозг и организм оказывается дистанционное воздействие. Все чужие мысли и посылки она принимает за свои, все болезненные состояния она относит к естественным заболеваниям, к плохому состоянию своего здоровья. Так что тут многое зависит от объекта воздействия, его психики и душевного состояния. Такой человек-жертва при удачном воздействии на его психику способен рассказать все, что хотел намеренно скрыть...

У Павлуновского от этой ученой «зауми» зашумело в голове, и он решил прихлопнуть московских эмиссаров козырем – телеграммой Ленина, которую он и выложил на стол:

Советую обратить на дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения, и в случае если доказательность полнейшая, то

[] устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять⁹.

В. Ульянов (Ленин)

– Вот такие дела, товарищи, – нарочито вздохнул Павлуновский. – Как вы видите – подчеркнуто: провести суд с максимальной скоростью! Так что никакой неопределенности в сроках допускать нельзя! Состав Чрезвычайного трибунала сформирован, обвинение практически написано. Три дня – больше, извините, дать не могу!

– Хорошо, – тихо кивнул Бокия. – Тогда мне немедленно нужен прямой провод с Москвой...

Прямой провод был, разумеется, предоставлен. Но значок почетного чекиста под номером 7 и то, что Бокия не боялся спорить с самим Лениным, на сей раз не помогли. Вождь мирового пролетариата по-прежнему болел в Горках, а Сталин без него не решился оспаривать уже принятое Ильичом решение.

Пока Бокия с Кажинским настраивали свою аппаратуру, за Унгерна без лишнего шума принялся Герасимов. Он честно пытался «расколоть» «самодержца пустыни» двое суток и наутро третьих нашел своего главного конвоира и развел руками:

– Барон Унгерн – психический фанат. С такими я работать, увы, не могу... Так что придется мне, видимо, возвращаться на харьковскую «кичу». Ежели не что похуже...

– Так что, Александр Васильевич, никак? – помрачнел чекист.

– Ну, совсем никак не бывает, – болезненно улыбнулся Герасимов. – Кое-что я из барона смог выжать. Вот письменный отчет о проведенной работе... Только, боюсь, вашему руководству этого покажется мало...

После квалифицированных допросов Герасимова наступила очередь московских «шаманов». Они «работали» с бароном четыре дня и тоже оставили Павлуновскому письменный отчет о проделанном. С тем и уехали в Москву в том же пульмановском вагоне. Сумели ли они вырвать у Унгерна правду – неизвестно. Скорее всего, нет. Во всяком случае, история об этом умалчивает.

Суд над Унгерном, согласно указанию Ленина, завершился в течение одного дня. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал: расстрел.

Расстреляли «сумасшедшего» барона в тот же вечер. Поговаривали, что в виде исключения Унгерну была предоставлена единственно возможная привилегия: его убили не выстрелом в затылок, а поставили перед шеренгой стрелков.

Удивительно и другое: когда расстрельная команда из взвода красноармейцев и командира с маузером дала залп и барон упал, присутствовавший при «акции» доктор не только констатировал смерть Унгерна, но и обнаружил в его теле одну-единственную пулю. Да-да, выпущенную из маузера командира. Остальные красноармейцы, имевшие немалый боевой опыт, промахнулись либо от волнения (?), либо из суеверного страха перед песчаным «богом войны», которого, по утверждению его желтого воинства, не брала никакая пуля...

⁹ Подлинный (с некоторыми купюрами) текст письменного телеграфного указания В. И. Ленина.

Глава двадцать девятая

Древняя монгольская столица (Верхнеудинск – Урга, 1921 года)

На четвертые сутки пути мощные хребты Прибайкальских отрогов с петляющими между ними узкими долинами намного снизились. Впереди тускло желтели покрытые сожженной солнцем травой степи. Это была уже древняя Монголия.

За все время с начала гужевого этапа экспедиция благословляла Горностаева за его поистине царский подарок. Монгольские лошадки и в самом деле оказались неутомимыми, ровно бежали и по горным тропам, и по бездорожью. После неприятной встречи с дезертирами Агасфер, не слишком надеясь на собачью охрану, постановил учредить на ночных привалах дежурство. Однако больше никаких неприятных встреч до сих пор не было.

Скрашивая вынужденное безделье во время дневных перегонов, Андрей сагитировал Линя попрактиковаться в верховой езде – благо две лошадки бежали с караваном, как говорится, без всякой нагрузки. Проводники уверяли, что лошади с седлом знакомы – оставалось только уговорить строптивых и весьма кусачих животных сначала дать себя оседлать, а потом позволить сесть на себя. К счастью, лошади оказались весьма падкими на черствые хлебные корки, и в особенности на сахар, который Андрей потихоньку от отца добывал из дорожных сумок.

Когда, по уверениям проводников, до Урги осталось два – два с половиной дня пути, экспедиция пережила еще одно неприятное приключение.

Привстав на носки и взглядевшись вперед, Сунжон, ехавший нынче на переднем тарантасе, разбудил дремавшего Агасфера:

– Эй, хозяин, там впереди творится что-то нехорошее!

Мгновенно проснувшийся Агасфер схватился за бинокль и через пару минут наблюдения доложил:

– Вижу четверых конных, которые лупят почем зря четвертого своими плетками. А еще двое конных гонят в степь десяток баранов. Что там происходит, Сунжон?

– Ты хотел увидеть настоящих хунзузов, начальник? Это они! Наверное, встретили одинокого бедного пастуха и отобрали у него скот...

Подъехавший верхом Андрей, выяснив обстановку, возмутился:

– Чего же мы ждем, отец? Их всего шестеро!

– У них винтовки, сын. Кроме того, не забывай, что мы в этой стране иностранцы. Нам не стоит вмешиваться в местные дела...

Уловив в голосе отца нерешительность, Андрей нажал:

– А у нас пулеметы! И вообще это непорядочно, отец: смотреть, как разбойники убивают несчастного пастуха!

– Вряд ли наши упряжки догонят их, – продолжал сомневаться Агасфер. – Лошади едут почти полдня и наверняка устали.

– Мой лошадь догонит, хозяин! – вмешался проводник. – Твой тарантас такой легкий, что лошадь его совсем не чувствует! Только прикажи!

Хунзузы, увлекшись избиением, не сразу заметили, что попали в засаду. А увидев мчащуюся прямо на них странную телегу, тут же бросили свою жертву и поскакали вслед за товарищами, гнавшими украденных баранов. Но было уже поздно. Хотя всадники ехали быстрее упряжек, от пулеметов уйти было невозможно. Медников и Безухий практически одновременно дали по длинной очереди над головами хунзузов.

Те снова попробовали было оторваться и начали рассеиваться по гладкой, как стол, степи, но Безухий, нарушив приказание Берга, открыл огонь на поражение и сбил с коней сразу двух разбойников.

Снизил прицел своего «гочкиса» и Медников. Когда еще один разбойник с воплем свалился с лошади, остальные тут же остановились, побросали винтовки и разом подняли руки.

Тут к месту побоища подскакали и Андрей с Линем. Спешившись, они под прикрытием огня подъезжавших упряжек подошли к «краснобородым»¹⁰, обыскали их и отобрали несколько пистолетов и револьверов. Линь по-китайски спросил у них про остальное оружие, но те помотали головами.

– Медников, Ху, поглядите – что там с тремя подстреленными? – распорядился Берг. – Ну и что мы будем теперь делать, господа?

Его перебили два выстрела из пистолета Безухого.

– Мертвый оба, – невозмутимо доложил он.

– Ху, в пленных не стреляют! – возмутился было Агасфер.

– Это не пленный, это шайтан, – поддержал Безухого Сунжон. – Если оставить раненого хунхуза в живых, он будет охотиться на обидчика всю жизнь!

– Этот пока жив, но теряет много крови, – крикнул издалека Медников. – До врача, боюсь, не довезем! Пуля пробил шею насквозь! Что с ним делать?

– Я ему помогу! – живо отозвался Безухий и быстро направился к раненому, не обращая внимания на увещевания Агасфера.

Вскоре оттуда раздался еще один выстрел. Вернувшись, Безухий перезарядил пистолет и сокрушенно развел руками:

– Надо было оставить его подыхать так, но я ему помог...

Избитый пастух стонал и пытался встать. Вся спина его драного халата была насквозь просечена ударами нагаек и залита кровью.

Агасфер, Безухий и Медников принялись оказывать помощь. Остатки халата безжалостно срезали, обмыли раны чистой водой. Агасфер смазал их какой-то мазью из походной аптечки, и Безухий пренебрежительно фыркнул:

– Европейский лекарьство! Барахло! Доедем до ночлега, я вылечу его по-своему!

Пастух, однако, нашел в себе силы простонать несколько раз:

– Камча! Мой камча! Найди, пожалуйста, нашальник!

– Бредит, что ли? – буркнул Медников.

– Наверное, какой-то местный обычай, – высказал предположение Берг. – Или фамильная вещь. Поищите, мальчики!

Андрей и Линь, спешившись, уже начали поиски и скоро нашли в негустой траве пропажу.

Проводники ловко переловили баранов и, спутав им ноги, покидали в пустую телегу. Трех пленников они связали с особым садизмом, подтянув ноги чуть ли не шеям. Их бросили в задний тарантас, под присмотр свирепого Безухого. Перевязанного пастуха осторожно уложили в передний тарантас, и экспедиция, потеряв на схватку минут сорок, двинулась дальше.

На ночевку, учитывая состояние избитого пастуха, решили стать пораньше. Развели костер, и Безухий, пошарившись в своей корзинке, набрал трав и корешков и поставил на огонь в отдельном котелке. Зная по своему опыту жгучую особенность китайского лечения, Агасфер достал и приготовил шприц с морфином.

¹⁰ В буквальном переводе с китайского «хунхуз» означает «красная борода», «краснобородый». Так называли членов организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии.

Несмотря на болеутоляющее, бурят жутко и протяжно заорал, когда Безухий, сорвав бинты, налепил ему на спину горячую смесь из котелка.

– Дай ему самогонки, – посоветовал Медников. – Тогда он быстро уснет и проснется почти здоровый.

Проснулись на следующий день чуть свет – но не просто так, а от того, что значительно окрепший от лечения пастух потихоньку подкрался к пленным и успел перерезать одному из них горло острым ножом.

– Ну что за дикий народ! – громко жаловался под зловеющий смех Безухого Берг. – Не успел очухаться – и сразу за нож! Ху, это не ты его научил? Признавайся!

Поскольку спать было уже невозможно, все встали, сели завтракать. Пастух вполне оправился. Как выяснилось, он довольно хорошо говорил по-китайски и чуть-чуть по-русски. Он оказался из нерчинских бурят и без ложного стыда рассказал своим спасителям, что его соплеменники помогают своим бедным родственникам не больше двух раз. Нынешние бараны, которых у него чуть не отобрали хунхузы, были последней помощью соплеменников.

К слову сказать, у бурята было довольно неприятная внешность, которую еще вдобавок портила большая багровая родинка на левой щеке, покрытая длинными курчавыми волосами.

– А что бы ты делал, если бы не мы? – заинтересовался Андрей.

Тот пожал плечами: пошел бы в услужение к урусам или более богатым соплеменникам.

– Твой ингиз? – внезапно заинтересовался он. – Дойче немса?

– Все, кроме Линя и Безухого – русские, – признался, подумав, Агасфер.

– Урус – корошо! – помолчав, констатировал раненый. И, покосившись на Безухого, поспешно добавил: – Китайса тоже хороший. Вот как ты...

Безухий кивнул и, в свою очередь, спросил:

– А куда ты шел со своими баранами? Откуда?

– Шел из Урга, в свой улус¹¹. Баран продать, купить несколько стельный телка. Развел бы большой стадо, был бы богатый... Если б не вы – не пришел бы...

– А в Урге часто бываешь?

– Один раз немного, другой – очень долго. Барон Унгерн видел, – похвалился бурят. – Сапсем близко, как тебя! Даже говорил с ним. Только не в Урга – у Гусиный озеро. Один, два – два с половиной луна назад.

– Служил у него в дивизии, что ли?

– Меня не взял: примет у меня плохой, – бурят дотронулся до своей мохнатой родинки. – И два пальца рука нет. Князь Унгерн такой шеловек не брал. Говорил: плохой примет.

– Но говорить-то с тобой говорил! – поддел Андрей.

– Это мне с князь говорить надо был, – неохотно признался бурят. И, явно желая прекратить неприятный для него разговор, пожаловался. – Спина шибко болит. Можно еще телега поспать?

– Да ради бога, ложись, – разрешил Агасфер. – Мы в Ургу едем. Поедешь с нами?

– Нет, – помотал головой бурят. – Хунхуз меня в Урга искать будут. Туда один, два – один с половиной перехода для ваш телега. Я днем сойду, погоню барашков в свой улус.

– Ну, дело твое. Команда, подъем! Пора в путь-дорогу! Может, и за один переход доедем, если Сунжон и Айдархан постараются.

Ближе к полудню Агасфер велел остановиться, растолкал бурята:

– Тебе пора, друг! Слушай, ты барашков все равно продавать хотел? Продай мне, а? Нам еще обратно возвращаться, в Верхнеудинск. Сколько ты за них хочешь?

– Мой не знай: сколько дадут. Наверное, один барашка – два серебряный китайский монет.

¹¹ Мелкое родоплеменное поселение у бурятов.

Агасфер фыркнул:

– Это совсем мало! Так ты не разбогатеешь, друг! – Он достал кожаный мешочек и вынул из него несколько золотых десятирублевиков времен Николая II. – Знаешь, что это такое?

– Золотой русский деньга. Очень много! За столько деньга можно целое стадо купить! Или десятка стельный телка...

– Забирай, – Агасфер едва ли не насильно сунул в руки буряту две монеты. – Лишку можешь считать компенсацией за побои хунхузов.

Бурят бережно взял монеты двумя руками, несколько раз поклонился.

– Я говорил: урус – карош! Хіèхіè пї, dà lǎobǎn¹², – и он сделал попытку поцеловать Бергу руку.

– Ну-ну, без этих сантиментов! – Тот вырвал руку. – Погоди, я тебе сейчас еще продуктов на дорогу дам – есть-то что-то надо, правильно?

Бурят вылез из телеги, продолжая кланяться и одновременно заматывая монеты в какое-то тряпье.

Берг отдал распоряжение Медникову, принявшему на себя обязанности завхоза и нач-прода, и тот с ворчанием выделил буряту паек на несколько дней пути – пару жестянок с американскими консервами, крупу, муку, галеты и шоколад. Осчастливленный бурят восхищенно цокал языком, часто моргал глазами, кланялся и даже порывался вернуть «большому начальнику» полученное за баранов золото. Берг, смеясь, отказался.

Сунжон хлопнул вожжами по спине лошади, и караван снова двинулись в сторону Урги. Бурят, до сих пор не веривший в свою удачу, остался в степи, часто кланяясь вслед экспедиции и цепко держа в руках мешок с продуктами.

Караван постепенно набирал скорость, и тут Андрей дотронулся до плеча отца:

– Гляди, бурят следом бежит, машет. Остановимся?

Телеги снова стали. Бурят, спотыкаясь и не выпуская из рук мешка, догнал путников.

– Ну, чего тебе?

– Погоди, нашальник! Я сказать тебе хочу... Только в твой ухо!

Отведя Берга в сторонку, он торжественно заявил:

– Ты хороший урус, большой начальник. Добрый! Ты спас бедный бурят от хунхуз, ты лечил меня, дал за баранов хороший цена, дал много еда. Степной обычай велит мне благодарить тебя, но я бедный шеловек. И могу дать тебе только бумажка!

– Какую бумажку? Чего ты выдумал? Никакой благодарности мне не надо, друг!

– Мне этот бумажка не нужен. Я взял ее потому, что Ергонов очень боялся, что она попадет в плохие руки.

Бурят зубами развязал на рукоятке камчи узелок, начал разматывать сыромятный ремешок.

– Какую бумажку? – терялся в догадках Берг. – Ергонов? Погоди, какой Ергонов?

Бурят наконец справился с ремешком, вынул обернутый вокруг рукояти камчи клочок бумаги, протянул Агасферу:

– Я грамот не знаю, а ты шибко умный, большой начальник. Возьми, ты спас меня и щедро заплатил за баран!

Торопясь и перескакивая с русского языка на китайский, бурят принялся рассказывать об истории своей встречи с доверенным посланцем Унгерна. О том, что барон послал закопать свое последнее золото верных людей, дал им карту. Но русские аскеры догнали посланцев, окружили их. Много было убито, а раненый Ергонов спрятался в кустарнике, где отсиживался и перепуганный бурят. Ергонов, определив сородича, попросил его сделать последнее одолже-

¹² Спасибо, большой начальник! (упрощ. кит.)

ние. Он боялся, что русские солдаты начнут пытаться его, чтобы вырвать доверенную ему тайну, и попросил бурята отрубить ему голову. А перед тем он проглотил какую-то бумагу.

Бурят выполнил просьбу соплеменника. И когда солдаты, прочесывая ложбину, наткнулись на него, он показал обезглавленный труп Ергонова. Разочарованные солдаты сорвали с трупа всю одежду в поисках хоть каких-то указаний на место захоронения клада, ничего не нашли и убралась восвояси. Когда они скрылись, бурят вспорол ножом живот Ергонова и достал из внутренностей карту. Высушил и сберег.

– Вот она, нашальник! Я темный шеловек, грамота не знаю. Я никогда не найду тайник Ергонова – а ты ищи! Ты умный, ты добрый!

– Я не возьму, – помотал головой Агасфер, которому от натуралистических подробностей к горлу подкатил комок. – Разыщи в своем улусе грамотного друга, найдите с ним этот клад, и вы станете очень богатыми людьми!

– Когда мой резал брюхо Ергонову, то тоже так думай! Но потом мой понимай, что клад Ергонова – не для темного бурята! – покачал головой бурят. – Много золота – много беды! Когда шеловек видит много золота, он становится сумасшедший. Мой один раз нашел грамотный шеловек, рассказал ему все, показал эта бумага – а он хотел украсть бумага и убить меня! Ты хороший урус! Ты умный и сильный, ты не будешь сумасшедший при виде золота. Возьми бумага, прошу!

Агасфер продолжал мотать головой.

– Позвольте! – из-за его плеча протянулась рука Масао и взяла клочок карты. – Спасибо, ты хороший и добрый бурят! Желаем тебе много-много тучных стад, жену и много ребятишек. Мы берем твою бумажку, друг!

Бурят радостно улыбнулся и, кланяясь по-прежнему, стал отступать от тарантаса. Наконец, споткнувшись, он упал, с трудом поднялся и побрел, то и дело хватаясь за спину. Проводив его глазами, Агасфер повернулся и упер взгляд прямо в глаза Осама Масао, разглядывающего измятую, перепачканную кровью карту.

– Вот оно как, Масао! – наконец заговорил он. – А мне почему-то казалось, что, как начальник экспедиции, все важные решения я принимаю сам! Или, по крайней мере, выношу эти решения на всеобщее обсуждение! Извольте самовольничать, господин Масао?

– Я уполномочен вашим шефом, и я посчитал нужным принять такое решение! – процедил Масао. – А вы, господин Берг, едва не прогнали этого дурачка с ключом от сокровища! Вас послали в Россию не для проявления сантиментов, господин Берг!

– Да-да, я чуть не забыл, – скривился Берг. – Я же поехал под присмотром японской разведки в вашем лице! А вы не считаете сантиментами брать в руки бумагу, извлеченную этим наивным дитяем природы из еще трепещущего тела убитого солдата? Простите, но к старости я стал очень брезглив, знаете ли!

Масао с жадностью рассматривал клочок бумаги, вертя его так и сяк.

– Мне все равно, как этот бурят добыл карту – извлек из трупа или копался в его дерьме. Да, это, несомненно, точный «адрес» сокровища! – продолжал Масао. – Вот начерченная линия, которая означает путь к китайской границе. На ней пять отметок – Унгерн, видимо, не питал особых надежд на то, что его посланцу удастся добраться до границы. И эти пять кружков означают наиболее удобные места для захоронения казны Азиатской дивизии. Один кружок перечеркнут – скорее всего, это и есть то самое место! Господин Берг, не помутилось ли у вас в голове, когда вы отказывались от кучи золота только потому, что карта побывала в желудке Ергонова? Прекратите чистоплюйство! Вам остается лишь воспользоваться своими необычайными способностями и найти это место!

– Позвольте-ка, – вынув платок, Агасфер взял через него обрывок карты. – Да, это кусок военной десятиверстки¹³. Однако края карты оборваны, здесь нет даже указателя «север-юг». Нет ни широты, ни долготы этого места... Боюсь, что моих способностей для поиска этого клада не хватит, Масао!

Он вернул карту, выбросив платок на землю.

– Но... Но как же так, господин Берг? Нам остается найти аналогичную карту и примерять этот обрывок тут и там! Здесь видны пометки высот, какие-то ручьи! Перестаньте заниматься чистоплюйством, Агасфер! Мы разыщем...

– Послушайте-ка, Масао! – начал заводится Берг. – Агасфером на этой земле меня позволительно называть только одному человеку – вашему отцу. Но никак не вам! Зарубите это себе на носу! Вы можете хоть сейчас отправляться на место гибели Ергонова и искать спрятанные им сокровища хоть до скончания веков! Что касается меня, то я отправлюсь по следам сокровища только после прямого указания своего начальства из Токио! Вам понятно? Господа, нам надо ехать! По местам!

– Но погодите, господин Берг! Надо догнать этого сумасшедшего, пока он еще недалеко! Он упоминал Гусиное озеро. Надо как следует расспросить его о месте, где он встретил этого Ергонова! Это может помочь в наших поисках!

– Мы едем, а вы, Масао-сан, вольны делать все, что вам заблагорассудится, – повторил Берг. – Хотите – оставайтесь и догоняйте бурята. Хотите – поезжайте с нами!

Люди, повинаясь жесту Берга, забрались в повозки, и караван тронулся. Постояв, Масао бегом догнал последнюю телегу и запрыгнул в нее, бросив ненавидящий взгляд на Агасфера.

– Погоди, русский негодяй! – прошипел он. – Мой отец непременно справится с тобой!

* * *

Как ни гнали погонщики-проводники легкие тарантасы, однако до заката в Ургу доехать не удалось. Повернувшись к Агасферу, Айдархан крикнул, перекрывая шум ветра и стук копыт:

– Начальник, вон впереди Урга – видишь? Это там, где дымное облако. Скоро солнце зайдет, будет совсем темно. Я думаю, что не стоит въезжать в незнакомый город на ночь глядя! Давай становиться на ночевку, начальник! Утром рано встанем и приедем Урга...

Подумав, Берг кивнул, и проводник стал натягивать вожжи.

У костра разозленный Масао подчеркнуто сел в сторонке от других. В общих разговорах он участия не принимал и скоро, завернувшись в одеяло, лег спать.

Медников, поглядывая на строптивного японца, вытянулся на земле рядом с Агасфером, задумчиво глядящим на багровый диск заходящего солнца.

– Бергуша, спросить хотел... Или ты не в духе нынче?

– Спрашивай...

– Да я насчет той карты, что Масао себе забрал, будь она вместе с ним неладна! И правда, дикость какая: сначала выполнить «долг милосердия», а потом шариться в потрохах человека, тьфу! Дикий все же народ, ей-богу!

– У всех свои обычаи, Евстратий. То, что нам кажется диким и невозможным, для иных народов – обычный способ существования.

– Слушай Бергуша, – понизил голос Медников. – А карта-то и впрямь никчемная, как ты этому японскому олуху доказывал? Или?..

¹³ Имеется в виду карта с масштабом 1 дюйм = 10 верстам.

– Скорее «или», старый ты хитрец! Масао мыслит трезво: хоть у карты оборваны края и нет видимых особенностей местности, восстановить карту, не сомневаюсь, вполне возможно. Найти такую же десятиверстку и поиграть в «мозаику».

– И ты правда можешь найти золото Ергонова?

– Могу – хоть с той картой, хоть без нее! Я ж ее в руках целых две минуты держал – или ты забыл про мою память? Судя по всему, тайник совсем недалеко от границы с Китаем. А там японцы командуют, сам знаешь. Из Хайлара им совсем не трудно отправить к месту захоронения группу быстрого реагирования, даже на автомобилях: граница-то, считай, «прозрачная»!

– Ну и пусть забирают! Нам-то что?

– А если мы нарвемся на патруль большевиков? Как мы объясним наше появление у границы? Ты хочешь остаток лет доживать в русской тюрьме?

– Ладно, Бергуша. Доедем до Урги. Подождем, что будет этот сопляк Масао предпринимать. А потом уже решим, что и как делать!

* * *

Утром, как и планировали, быстро позавтракали, и небольшой караван двинулся в свой последний перегон. По настоянию Агасфера пулеметы спрятали поглубже, ручное оружие тоже было велено убрать с глаз.

Не прошло и двух часов, как небольшой караван, под неистовый лай и рычание местных псов, медленно вкатился на Широкую¹⁴ улицу.

Надо заметить, что в 20-е годы XX века вид Урги был довольно неприглядным. Улицы и базарная площадь были немощеными, их покрывал плотный слой отбросов. Нищие в отвратительных лохмотьях, выставяющие напоказ столь же отвратительные язвы и уродства, бродили по улицам или сидели у храмов.

Маленькие домишки густо прилеплялись друг к другу. Улицы и переулки были образованы сплошными кирпичными или глиняными стенами с калитками в них. Само жилье строилось внутри двора и было закрыто от улиц. Здесь селились торговцы, мелкий чиновный люд, крестьяне-бедняки, перебравшиеся в Ургу в поисках хлеба насущного.

Караван медленно двигался по узким улочкам.

– М-да, тут что вид, что вонь! – крикнул сквозь платок Андрей. Он решил въехать в Ургу верхом и теперь с трудом пробивался через толпу нищих. – Вот так столица монгольского буддизма! Надо спросить у кого-нибудь, где здесь местная полиция – пленников-то сдавать надо! Линь, слышишь?

Спрыгнув с тарантаса, Линь поймал за шиворот местного оборванца и принялся выпрашивать у него про полицию. Оборванец делал вид, что не понимает, и только серебряная монета прибавила ему энтузиазма: отбросив костыль, он побежал впереди процессии, показывая дорогу.

Здание местной полиции выглядело столь же нелицеприятно, как и окружающие его лачуги. Караван остановился, и Агасфер с Медниковым отправились на переговоры.

После недолгих поисков они нашли местного начальника полиции – тот мирно спал прямо под своим рабочим столом. Разбуженный, он живо поднялся и, заслышав русскую речь, разулыбался и тоже заговорил по-русски.

– Научная экспедиция? У нас, в Урге? Это большая радость и почет! Надо непременно доложить главе совета старейшин местного Хот-Айла¹⁵ и кому-то из членов Хурала¹⁶!

¹⁴ Так именовалась в описываемое время главная улица древней монгольской столицы.

¹⁵ «Хот» в переводе с монгольского – город, «айл» – юрта, семья. В 1922 году айл, или группа айлов были наименьшей военно-административной единицей, решавшей все насущные вопросы.

Полицмейстера, рванувшего на поиски начальства, едва успели поймать за полу халата. Объяснили: сначала надо решить вопрос с захваченными хунхузами.

– Хунхуз – это совсем плохо, – покачал головой «полицмейстер». – Они напали на экспедицию? А уважаемые ученые отбили у них бедного пастуха! И много их было? Шестеро? Вы привезли двоих – остальные погибли в перестрелке? Надеюсь, никто из дорогих гостей не пострадал? Вот и хорошо! Только зачем же было мучиться и везти в Ургу негодяев? Надо было и их тоже – «пиф-паф»! Ха-ха-ха! Вы привезли их судить? Хунхузов здесь не судят! Где эти негодяи?

Вырвав из рук Берга полу халата, «полицмейстер» быстро выскочил на улицу.

Берг только и развел руками и покосился на Безухого, лицо которого озарила редкая улыбка. Он поиграл бровями и длинно сплюнул в угол, всем своим видом показывая: я же тебе говорил, Берг, – не стоило возиться с хунхузами!

С улицы прогремели два выстрела. Агасфер и Медников переглянулись. Вернувшийся страж порядка, на ходу пряча под халат дымящийся маузер, еще раз извинился перед гостями за беспокойство и заверил, что уже отдал распоряжение убрать тела негодяев с телеги.

Русским братьям необходимо взять разрешение на проведение в окрестностях Урги научных исследования? Добро пожаловать! Будете искать золото? Народной Монголии очень нужно золото и прочие полезные ископаемые! Пожалуйста!

– Но у нас есть небольшая проблема, – ворвался в скороговорку полицейского Агасфер, вытирая лоб платком. – Мы не ищем золото, а лишь выясняем возможность землетрясений. А для этого нам надо пробурить несколько скважин и заложить в них взрывчатку, чтобы приборы зафиксировали колебания глубин земли. Понимаете? Ямки в земле надо делать, а у тюркских народов землю не принято тревожить. Вот мы и решили спросить у местных властей разрешение.

Полицейский почесал в затылке: дело и вправду оказалось не таким простым. Такое разрешение может дать только Богдо-гэгэн. Если русские братья желают, он немедленно проводит их к монарху. Видите ли, у нас в Монголии пока установлена конституционная монархия. И все вопросы, связанные с верованиями народа, решает Богдо.

– И он нас примет? – недоверчиво поинтересовался Берг. – Монарх все-таки!

– Примут ли во дворце русских братьев, которые помогли изгнать из Монголии проклятых китайцев и шакалов барона Унгерна? – удивился полицейский. – Разумеется, примут! Прошу следовать за мной!

– Бергуша, а стоит ли нам тратить время на весь этот цирк с бурением скважин и взрывами? – поинтересовался у Берга Медников. – Мы же не в России...

– Да, мы в Монголии, Евстратий. Но готов держать пари, что русские чекисты имеют здесь достаточно своих агентов. И если вдруг красные узнают, что, добравшись до Урги, мы не занимались тем, ради чего приехали, возникнут подозрения. Оно нам надо?

Выйдя на улицу, путешественники увидели, что трупы двух хунхузов бесцеремонно сброшены с телеги прямо на землю, а какие-то оборванцы торопливо сдирают с них одежду и сапоги.

– Правосудие здесь действует очень быстро, – хмыкнул Медников.

* * *

Через час-полтора, удостоившись приема у «живого бога» монголов и получив от него неохотное позволение на «беспокойство» земли, члены экспедиции покинули священный Гандан.

¹⁶ Народно-представительский и законодательный орган у монголов после изгнания Унгерна.

Поблагодарив «полицмейстера» и даже рискнув сунуть ему несколько китайских купюр за беспокойство – чему тот оказался весьма рад, – Агасфер решительно отказался от его дальнейших услуг и повернулся к поджидающим его друзьям.

Тут как раз поднялся небольшой ветерок, и, пользуясь относительной возможностью дышать без платков, Агасфер торопливо прочел короткую лекцию о здешних порядках.

Упомянул он и давнюю борьбу между здешним духовенством и купцами. Дело в том, что, согласно ламским законам, торговые поселения не должны располагаться слишком близко к монастырям. И когда в начале XIX века торговые лавки и базары вплотную подступили к древним стенам, ламы обратились в Пекин с петицией, а пятый Богдо-гэгэн даже велел перенести свою резиденцию с главными храмами в монастырь, расположенный на северо-западе долины.

Борьба привела к обособлению трех частей города: в одной находился монастырь главы ламаистской церкви, в другой части располагался монастырь Гандан, где находились храмы и жили монахи, третью часть составлял торговый район Маймачэн, который жил по своим особым законам. Тяжба тянулась несколько десятилетий, но в конце концов ламы уступили. Впоследствии в Урге появились торговые слободы китайцев, русских, американцев.

– Берг, а можно мне потом зайти в какой-нибудь монастырь? – поинтересовался Безухий. – Мне интересно, как молятся эти странные люди.

– Пожалуйста! Только прошу, надень все же парик! Не пугай бедных лам!

– А мне, господин Берг, тоже надо кое-куда сходить! – с подчеркнутой вежливостью заявил Масао. – Где мне потом вас искать?

– Если не ошибаюсь, в английскую миссию? – криво улыбнулся Берг. – Бегите, господин Масао, жалуйтесь на меня! А насчет поисков – вы человек сообразительный! И разведчик к тому же. Найдете!

Фыркнув, японец развернулся на каблуках и ушел.

– Так, с официальной частью мы покончили, – высказался Андрей. – Теперь нам надо выяснить, заходили ли в Ургу после изгнания Унгерна части 27-й конно-стрелковой дивизии. И если да, то каким монастырем русские усиленно интересовались.

– Совершенно верно, – кивнул Агасфер. – И если Дягур со своим воинством был тут, надо очень аккуратно, без ажиотажа, поискать свидетелей вывоза казны Азиатской дивизии.

– Красные откуда-то точно знали адрес сокровищ. Это первое, – заявил Медников. – Второе: лама, которому барон оставил свое сокровище, не захотел ссориться с советской властью или допустить, чтобы красноармейцы по досточкам разнесли в поисках золота весь его монастырь. И вот вам, друзья, вопрос на засыпку: где красноармейцы могли раздобыть несколько десятков подвод с лошадьми для вывозки золота?

– У торговцев, где же еще, – фыркнул Безухий.

– Правильно, Ху! Значит, нам надо поискать концы в торговой слободке Маймачэн. Поспросать китайских торговцев. В конце концов, времени прошло совсем немного, забыть такое они не могли. Ясно?

– Ясно! – кивнул Безухий. – Линь пойдет по той стороне этой вонючей улицы, а я по другой...

– Погодите-ка! – Агасфер достал из кармана позванивающий мешочек. – Это мелкие серебряные китайские монеты. Торговцы будут охотнее говорить, если их воспоминания покупать.

Первым вернулся Линь:

– Хозяин, я обошел восемь лавок, и в пяти из них мне подтвердили, что вошедшая в Ургу Красная армия искала телеги с лошадьми. Мне надо идти дальше?

– Не стоит, – покачал головой Агасфер. – Подождем Безухого.

Вскоре показался и Безухий, тащивший за шиворот приседающего от страха толстого китайца.

– Не хотел идти, Берг, – коротко пояснил он. – Мне кажется, это будет интересно!

Периодически встряхивая торговца, Безухий быстро спрашивал его о чем-то по-китайски. Тот отвечал, слегка запинаясь. Наконец, бесцеремонно прикрыв все еще бормочущему китайцу рот ладонью, Безухий начал рассказывать:

– Все, с кем я говорил, подтверждают конфискацию подвод. У многих вместе с лошадьми и повозкой мобилизовали и возчиков. Обещали, что вернут. У этого черепашьего сына взяли арбу, лошадь и приказчика. Через день приказчик вернулся, но без арбы и лошади: сказал, что красные не отдали. Торговец думает, что приказчик сам сбежал от солдат и бросил хозяйское добро. Хозяин сильно рассердился и выгнал приказчика. Теперь он среди попрошаек, хозяин его недавно видел. Я думаю, Берг, было бы интересно узнать – куда пошел красный караван? Пойдем поищем бывшего приказчика – он-то наверняка помнит...

Агасфер пожал плечами: попытка не пытка. Пошли искать приказчика среди многочисленных нищих, и вскоре китаец дрожащим пальцем показал на одного из них. Велев Линю держать лавочника, Безухий врезался в толпу оборванцев, бесцеремонно вытащил одного из них и подволок к Агасферу.

Снова начался допрос. Время от времени, когда оборванец замолкал, Безухий совал ему мелкую монету. Отпустив наконец попрошайку и его бывшего хозяина, Безухий брезгливо осмотрел свои руки и даже понюхал их.

– Надо купить мыла, Берг. Я чувствую, что здесь заразы больше, чем в самой грязной сточной канаве Шанхая. Но сначала о деле. Парень подтвердил, что был мобилизован красноармейцами вместе с арбой и лошастью. В монастыре они грузили ящики, похожие на патронные. Сколько было ящиков и подвод – он точно не помнит. Когда телеги были нагружены, их под усиленным конвоем красных направили на восток. Гнали целый день, потом приказали сворачивать к югу – туда, где проходит железная дорога...

– Наверняка путали следы, маскировали путь отхода, – понимающе кивнул Агасфер.

– Не знаю. Потом половину возчиков прогнали, а часть телег связали по две-три штуки, одна к другой. Рядом с телегами все время ехали повозки с пулеметами. Парень немного понимает по-русски, и понял из разговоров, что красные живыми свидетелей не отпустят. Когда железная дорога была уже совсем близко, он незаметно прыгнул в канаву. Его поискали, но недолго. А он просидел до ночи и убежал обратно в Гандан. По дороге ему попадались дохлые лошади и сломанные телеги. Но никто из возчиков, кроме него, сюда не вернулся.

– Понятно, – помрачнел Агасфер. – Были приняты меры предосторожности... Ладно, мы выяснили здесь все, что хотели. Был склад золота, был караван, увели его конники Дягура. Ладно, господа. Пора обедать, но в такой вони это просто невозможно! Предлагаю на время покинуть Ургу и пообедать за городской стеной.

Возражающих не было. Только Андрей поинтересовался: а как же Масао?

– А вон он уже идет, – кивнул в сторону Медников. – И такой довольный!

– Господин Берг, вам шифровка из Токио! – с торжествующей ноткой в голосе проговорил Масао, протягивая Агасферу четвертушку бумаги. – Насколько я понял, ответа там не ждут!

Глава тридцатая

Неудачная миссия Сипайло (Хайлар, Маньчжурия, 1921 год)

Еще за несколько месяцев до своего разгрома, планируя Северный поход в российские пределы, Унгерн, разочарованный отсутствием притока добровольцев в его дивизию из монгольских улусов, решил отправить делегацию в Хайлар, к атаману Семенову¹⁷. Выбор барона пал на полковника Савицкого и сотника Полякова: полковник был отряжен для солидности порученной миссии, а сотник происходил из забайкальских казаков и мог оказаться полезным для вербовки земляков человеком. Для охраны делегации бароном был выделен казачий взвод.

Узнав о посылке делегации в Маньчжурию, комендант Урги и он же «штатный» палач Унгерна Сипайло понял, что лучшей возможности сбежать от греха подальше у него уже не будет. И сумел уговорить барона включить в состав делегации и его.

Особо уговаривать «дедушку»¹⁸ не пришлось: Сипайло, которому Унгерн вполне доверял, было поручено передать Семенову секретное послание. В этом письме барон извещал «дорогого друга» об «огромном успехе» своей монгольской авантюры и доверительно сообщал, что ему надоела постоянная опека японцев¹⁹, которых он называл не иначе как «япошками» и «косоглазыми». Унгерн также просил атамана сообщить о монгольских интригах «япошек» американцам, чтобы те предприняли меры по выдворению их из Монголии.

Сипайло в то время было 40 лет. Он именовал себя русским офицером, хотя в армии никогда не служил. Свои офицерские погоны палач получил в семеновской контрразведке, и за несколько месяцев службы сумел возвыситься до полковника – быстрая «карьер» у атаманов было самым обычным делом. Сипайло «заведовал» одним из десятка забайкальских застенков и заслужил своей изощренной жестокостью такую всеобщую ненависть, что Семенов отдал приказ «кончить уroda». Однако палачу удалось вовремя убраться из Читы и прибиться к Унгерну, и с тех пор он стал его неизменным спутником и вторым «я».

Сипайло широко использовал правило военной контрразведки времен Гражданской войны, оценивая ее эффективность числом жертв. Его тяга к убийствам была чисто психологического свойства: он тосковал и нервничал, если его застенок в «комендантстве» был пуст. Убийца гордился своей страшной славой, с удовольствием рассказывал всем желающим о поведении людей перед смертью, делился подробностями того или иного способа казни.

Сипайло был душеителем в самом прямом смысле слова. Своих неопытных помощников-монголов он учил пользоваться разными веревками в зависимости от того, должен ли человек умереть сразу, или помучиться перед смертью. Особое удовольствие он находил в удушении предварительно изнасилованных им женщин. Рассказывали, что в числе таких женщин в свое время была племянница атамана Семенова, молоденькая Дуня. После казни ее мужа-еврея он взял Дуню в прислуги, спал с ней, рассказывая налево и направо о том, что «трахает» родню всесильного диктатора Забайкалья. А когда Дуня ему надоела, он задушил ее и позвал приятелей-офицеров, чтобы с гордостью продемонстрировать тело несчастной.

При всем этом Сипайло отличался большим женолюбием и буквально преследовал подруг ушедших в поход офицеров. Однако, подыгрывая Унгерну, при случае всегда изображал из себя поборника нравственности. Когда барон однажды высказался против проституции

¹⁷ Не имея практически никакой связи с внешним миром, Унгерн не знал, что Семенова, перебравшегося из Читы в Хайлар, там уже нет: он давно и благополучно поселился в небольшом особняке в Даляне (бывш. г. Дальний).

¹⁸ Уважительное прозвище для Унгерна, придуманное Сипайло.

¹⁹ Помимо чисто японской сотни (редчайший случай для японцев), при штабе Унгерна были прикомандированные представители японской разведки, постоянно настраивающие его на поход против России.

и чуть не выпорол дивизионного доктора за большое число венерических заболеваний в дивизии, Сипайло тут же приказал удавить двух прибившихся к дивизии проституток.

Не один Сипайло с огромным облегчением покидал монгольские степи. Твердо решил не возвращаться к барону и посылаемый им для вербовки добровольцев сотник Поляков. Разжившись перед командировкой кой-какими деньгами, он намеревался поселиться в Маньчжурии и выписать к себе из родной станицы жену.

Разбогател же он после нападения китайцев на перевозимую унгерновскую казну. Узрев занятых грабежом китайцев, он повел свою полусотню в атаку и порубил половину врагов, остальные разбежались. Когда все было кончено, Поляков приказал собрать рассыпавшееся золото и обыскать убитых и пленных. Около 200 золотых монет он с удовольствием ссыпал в свой кисет и припрятал его. А уже потом выставил у разбитых ящиков охрану и послал за Унгерном.

Примчавшись на место происшествия, барон похвалил Полякова за удаль и велел выдать ему и отличившимся казакам денежную награду. Тем временем Сипайло с помощниками вовсю трудился, закапывая живьем в землю грабителей – волкам на пропитание, как он заявил. И казалось, не обращал внимания на радостных казаков и довольного Полякова. Однако от его острого набитого глаза не укрылось, как сотник, перед тем, как сесть на лошадь, чересчур старательно поправлял штаны.

А вечером он неожиданно вызвал к себе Полякова, запер дверь и неожиданно спросил:

– Делиться-то думаешь, голубчик?

Тот сделал удивленное лицо: чем, мол, делиться-то?

– Казне-то пересчет сделали, Кузенька! – подмигнул Сипайло. – И думается мне, что не все потерянные денежки в траву закатились и копытами затоптаны! Прилипло кой-чего к твоим рукам, ох, прилипло!

Поляков поднял глаза на Сипайло и внутренне содрогнулся. Внутренняя сущность палача вполне соответствовала его внешности: злобную физиономию все время передергивали судороги, руки мелко тряслись. А голова, боже ты мой! Крепко, видать, бабка-повивалка в свое время щипцами за младенческую головенку ухватила, когда из материнской утробы вытаскивала его на свет божий! Сплюснутый, похожий на седло костистый череп делал Сипайло еще уродливее и страшнее.

Сотник попробовал было возмутиться: не брал, мол, никаких денег! Не обижайте, ваш-бродь!

– Ты не кричи, сотник! – перестал улыбаться Сипайло. – Я же не кричу, по-доброму с тобой вопрос хочу решить! Из твоих казачков мои помощники уже кое-что вытрясли, больно им теперь, голубкам. А тебя мне жалко! К чему тебе руки-ноги ломать? Давай лучше по-хорошему: поделимся по совести, а «дедушка» наш ничего и не узнает! Мне ведь в Хайларе тоже денежки надобны будут! Ну, как решишь, сотник? Выбирай: или завтра хорунжим станешь, или я шум подыму, и закопают тебя рядом с китаёзами.

Глянул Поляков в холодные глаза палача, отметил дергающие губы, прикрывающие мелкие и острые, словно у волка зубы – и понял, что деваться некуда. Расстегнул широкие штаны с лампасами и достал из тайного кармана кисет.

– Ловко ты его сховал! – подобрел Сипайло, суетливо расстилая на столе тряпицу. – Высыпай всё, по справедливости поделимся. Дели добычу на три кучки, поровнее! Одну тебе, а две мне, так-то оно и справедливо будет!

– Это почему так?

– А за мое молчание, дружок! Как полагаешь, что с тобой наш барон сделает, если узнает про твое нахальство? То-то!

Облегчив поляковский кисет на две трети, Сипайло выпроводил сотника, не забыв наказать:

– Иди теперь спокойно, голубок! Никто волоса твоего не тронет – ежели, конечно, болтать не станешь. А станешь – гляди: вырву твой болтливый язык и собакам брошу. Мне-то «дедушка» больше верит!

Через пару дней, как и предсказывал Сипайло, Поляков был произведен в хорунжие и был назначен командиром сотни.

А Унгерн, разгромив китайцев, окончательно уверовал в свое высшее предназначение. Однако ополчаться против большевиков, вопреки настоятельным советам японских советников, не спешил. Унгерн был далеко не глуп: его монгольские добровольцы храбро бились с китайскими оккупантами. Но Советская Россия недавно публично обратилась ко всем народам Востока и торжественно обещала соблюдать права Внешней Монголии на государственную независимость. Унгерн – и не без основания – просчитал, что монголы могут взбунтоваться, и тогда его счастливая звезда закатится. И поэтому он решительно заявил осаждавшему его японскому полковнику:

– О нападении на Русь мне пока думать рано! Надо сначала настроить против нее самих монголов. О войне на Севере не хотят говорить даже князья и ламы, не говоря уже о мелкой сволочне. Вы бы лучше, полковник, помогли мне озлобить дивизию против красных. А я тем временем пошлю гонцов в Маньчжурию и на вербую там несколько тысяч русских беженцев – чтобы было на кого положиться в трудный момент.

Так и посчастливилось его посланцам отправиться в Маньчжурию.

На пути до границы им не встретилось ни одного красного разъезда. И китайские пограничники, получив обычную мзду, с поклонами подняли перед делегацией шлагбаум.

Всю дорогу до самого Хайлара раздосадованный денежной потерей Поляков не раз шептался с казаками охраны, убеждая их и думать забыть о возвращении к «белоглазому идолу». Намекал он и на то, что Сипайло с полковником Савицким везут с собой золото для вербовки, и что не попользоваться этим – просто грех.

Казаки чесали в завшивленных затылках, думали. Слова хорунжего ложились на благодатную почву.

В Хайларе посланцев ждало неожиданное известие: атамана Семенова здесь давно нет, а всеми делами заправляет от его имени полковник Мациевский. Поляков с казаками был оставлен на грязном и вонючем постоялом дворе, а Сипайло с Савицким поспешили к нему на прием.

Воспользовавшись отсутствием начальства, настроенные Поляковым казаки мигом обшарили оставленные начальством походные мешки и переметные сумы – но, увы, никакого золота в них не нашли. Кто-то припомнил, что Савицкий и Сипайло прихватили с собой к Мациевскому саквояжи. Все денежки с собой носят!

Пока начальство с атамановским представителем беседы беседовало, а потом в ресторан заглянуло, чтобы вкусно пообедать, казаки разбрелись по окрестностям. Кто-то тут и земляков нашел – поговорили, рассказали о своей задаче. Земляки их на смех подняли: вы, братцы, совсем там, в Монголии, с ума съехали!

Местные похвалились своими добротными домами, богатыми садами с гнущимися от тяжести будущего урожая плодами. Познакомили с пышными женками и веселой ребятней...

– Зря вы, ребята, сюда приехали! Не найдете тут дурачков, которые от этакой благодати воевать в Монголию поедет! Ни за какие деньги не найдете – разве что пропойц горьких, которые перед кабаками китайскими шапками трясут, копеечку на винцо выпрашивают. А из них वोяки известно какие...

На постоялый двор казаки возвращались мрачными. Неужто начальство в Харбин или даже Далянь, где Семенов жирует, погонит? Там-то людишки еще покрепче живут, поди. Переглянувшись, решили: вот вернутся Сипайло с Савицким – свернуть первой же ночью голо-

вешку упырю Сипайло, а полковника застрелить, да и в канаву ближайшую. Денежки поделить и зажить здесь, среди земляков, как душа того желает.

Однако слепой случай разрушил их планы.

Возвращаясь на постоянный двор из дорогой ресторации, Сипайло и Савицкий свернули не на нужном углу и забрели в темный переулок. Стали было дорогу выспрашивать – никто не понимает по-русски, одни китайцы кругом. Повернули назад, а тут один китаец заверещал на всю улицу:

– Это Сипайла! Шибко худой шелавек – Сипайла!

И, обернувшись к собравшейся толпе, задрал на себе рубашку, показывая рубцы от вырезанных палачом ремней.

Мгновенно протрезвевшие Сипайло и Савицкий попробовали было вырваться из толпы, благо особняк Мациевского был совсем рядом. Но куда там! Толпа надвинулась, прижала русских к забору. Засвистели летящие во врагов камни.

На шум явились местные полицейские. Вытащили из толпы визжащего Сипайлу и поволокли в участок. Помертвевшего со страху полковника почему-то никто не тронул – хотя и за ним, как он тут же припомнил, водились грешки в виде отрубленных китайских голов.

Кое-как добравшись до спасительного постоянного двора, полковник, заикаясь, рассказал казакам о случившейся беде. Все поняли: Сипайло и про них китайцам расскажет. Решили бежать из Хайлара, только прежде потребовали у Савицкого свое жалованье. Тот попробовал схитрить: заявил, что все деньги были у Сипайло. Однако, поглядев на злые физиономии казаков, заторопился:

– Мои денежки остались, конечно: рублей пятьсот. Вырвемся из города – на первом же ночлеге поделю меж вами половину... Даже триста рублей пожертвую!

Казаки переглянулись, сделали вид, что поверили. Благополучно выехав из Хайлара, к ночи решили отдохнуть. Савицкий, закрывая руками саквояж, вытащил из него три тяжелые «колбаски» с царскими десятирублевками, отдал казакам. Не желая насторожить полковника, казаки благодарили. А когда легли спать, Поляков с общего согласия и одобрения подкрался к Савицкому и выстрелил ему в затылок.

В саквояже нашли еще две с половиной тысячи, да полторы тысячи золотых червонцев в поясе полковника. Честно поделившись, казаки утром разбрелись кто куда – кто на реку Ганн, кто в бакалейки – искать родственников и кумовьев. Был взвод – и не стало взвода...

* * *

Пока казаки удирали из Хайлара, к Мациевскому зашел его старый знакомец, генерал Шемелин. Словно между прочим, поинтересовался: что за гости были у него? Тот, ничего не скрывая, рассказал о посланцах Унгерна и о деле, с которым они приехали. Мациевский и не подозревал, что старый его приятель давно работает на японскую разведку, а совсем недавно был еще завербован неким Фогелем, представлявшимся русским коммерсантом. Как мы помним, Фогель был никем иным, как вездесущим Салнынем – Гришей, без почета выпровоженным из Шанхая командой Агасфера.

В Хайларе Салнын очутился проездом из своей Харбинской резидентуры. Осведомителей у него здесь тоже хватало, и уже к вечеру ему доложили об аресте унгеровского палача Сипайло.

А тот, как и предсказывали казаки, молчать не стал. И первым делом выдал полиции адрес постоянного двора, где остановились русские казаки. Те, мол, тоже немало китайских голов порубили.

Полиция нагрянула на постоянный двор – но никого там уже не застала.

Сипайло, которому от китайского суда ничего хорошего не светило, умудрился передать весточку о своем аресте Мациевскому. Умолял помочь, намекал на то, что ему точно известно место, где верный Унгерну Ергонов спрятал два десятка ящиков золота. Обещал указать точное место – разумеется, в обмен на свою свободу.

К судье Мациевский сходил – и вернулся несолоно хлебавши: китайские власти и слышать не хотели про освобождение палача. Генералу Шемелину – с расчетом на то, что японцы сумеют повлиять на обычно сговорчивое китайское правосудие, – Мациевский про золото прозрачно намекнул, и этого оказалось достаточно, чтобы тот тут же побежал с докладом к своим японским хозяевам.

Шемелин добросовестно сообщил о предложении Сипайло и Фогелю-Салныню. Полковник Судзуки и Фогель порознь проявили некоторую заинтересованность и посетили узника – разумеется, в разное время.

Оба попробовали схитрить и, не сговариваясь, сделали унгерновскому представителю контрпредложение: Сипайло называет место захоронения клада, и если золото окажется на месте – тогда и разговор о свободе будет предметным. Но Сипайло был матерым волком, он прекрасно знал цену таким обещаниям, да и сам не раз прибегал к таковым в своей «хлопотном» палаческом ремесле. И стоял на своем: он ведет людей к кладу только сам. Тем более что это совсем недалеко от Хайлара – всего-то верст сто пятьдесят. На том и расстались.

Оба разведчика – и тоже порознь, разумеется – обратились к диктатору Маньчжурии Чжан Цзолиню. Полковник Судзуки получил к тому времени из Токио категорический приказ: договориться с диктатором во что бы то ни стало! Японец долго ломал голову: откуда высокое начальство могло быть в курсе ареста Сипайло и его предложения? Между тем ларчик открывался просто: в Токио успели получить отчаянную шифровку от Масао с донесением о карте Ергонова.

Отношения с японцами у полковника Судзуки в то время складывались весьма непростые, и он получил от Чжан Цзолиня решительный отказ. Такой же отказ получил и господин Фогель – хотя и предложил генералу немалые «комиссионные». Но диктатор назвал за голову Сипайло слишком высокую цену – таких денег у русского разведчика в наличии не было. А если бы и были – вряд ли кремлевское руководство разрешило бы Гришке тратить такие деньги.

Оба разведчика, воодушевленные размером клада, взялись за карты и принялись вычислять хотя бы ориентировочное место его нахождения. Поначалу задача показалась не слишком трудной: было известно, откуда и куда шел доверенный посланец Унгерна – от Гусиного озера в Хайлар. Прочертили на карте прямую линию, отсчитали 150 верст от Хайлара, обвели полученную точку кружком.

К этому кружку и двинулась японская поисковая партия, вооруженная буровыми машинами. И из Верхнеудинска на тот же маршрут были брошены две дивизии. Красные конники, кроме обычного вооружения, прихватили с собой множество стальных щупов.

* * *

Усмехнувшись, Агасфер взял протянутую Масао бумагу, развернул, и, взглянув на подпись внизу бланка, поднял брови:

– Поздравляю, господа Масао! Вы поддерживаете переписку с самим генералом Озавой! Да как быстро получен ответ: если не ошибаюсь, с момента вашей отлучки в британское консульство не прошло и трех часов! Сделайте мне любезность, расскажите: с каких пор у японской и британской спецслужб установились такие теплые дружеские отношения? Насколько я помню, еще минувшей зимой консулы Японии и Англии еле здоровались... Да и ваш отец, помнится, не раз упоминал о напряженности в отношениях и самих стран, и их спецслужб...

Покраснев от злости, Масао явно вознамерился ответить резкостью, однако быстро сообразил, что конфронтация с этим упрямым стариком – самый неудачный путь к поставленной цели. И, помолчав, спокойно ответил:

– Времена меняются, господин Берг. Что же касается быстрой реакции Токио на мое сообщение, то ответ вы, полагаю, найдете в самом тексте шифровки.

– О-о, так вы знакомы с этой системой шифровки и не сочли за труд самому расшифровать сообщение, господин Масао! Что ж, надо ознакомиться...

54-0231 Агасферу

По имеющимся у нас сведениям, вы располагаете фрагментом карты, на которой отмечено точное местонахождение разыскиваемого нами объекта «код 06». Вам поручается немедленно приступить к его розыску, используя все имеющиеся возможности вас и вашей команды. Косвенное подтверждение нахождения объекта «код 06» имеется у нашей резидентуры в Хайларе, где местной полицией задержан и находится под стражей некий Сипайло, один из ближайших соратников б. фон У., отправленный в Хайлар с целью вербовки добровольцев в Азиатскую дивизию. Учитывая грозящее ему наказание за преступления, совершенные в отношении китайских подданных, он предлагает местному правосудию сделку, обещая указать точное место объекта в обмен на свободу и возможность беспрепятственно покинуть Китай. По его заверениям, интересующий нас объект находится на расстоянии не более 100–120 британских миль от Хайлара. Данное уточнение передается вам для конкретизации поисков.

Также сообщая, что в случае вашего отказа искать упомянутый объект ранее заключенное вами устное соглашение с Осамой аннулируется.
Подписано: генерал Озава. Телеграфист 5472 Токио

Агасфер помолчал, вернул бланк шифротелеграммы Масао и, не торопясь, закурил сигару. Выпустив несколько клубов дыма, он процедил:

– Давайте отойдем немного в сторону, господин Масао. Наш разговор будет специфичен, и вряд ли представит интерес для моих друзей.

Сделав несколько шагов в сторону, он остановился, не переставая попыхивать сигарой, крепко зажатой зубами в углу рта, – это было признаком сильнейшего раздражения.

– Итак, господин Масао, вы сумели добиться своего, – начал он. – Вернее, не всего, а приказа вынудить меня рисковать и тратить время. Неужели я недостаточно ясно разъяснил вам вчера, что клочок карты, вырванный откуда-то из ее середины, нисколько не поможет в поисках клада Ергонова? Будь на карте обозначен какой-то узнаваемый объект, отыскать «объект» было бы несравнимо легче...

– Но в шифровке упоминается расстояние от Хайлара! – перебил его Масао.

– Не надо меня перебивать! Да, есть основание подозревать, что Ергонов спрятал ящики Унгерна где-то в 150–160 верстах от Хайлара. И есть предполагаемый вектор движения Ергонова – от Гусинога озера в Хайлару. Но не будете же вы утверждать, что Ергонов двигался ровно по прямой! Это – первое. К тому же не забывайте, мы знаем, что Ергонова и его людей преследовали красные! Он бежал от них, возможно, кружил, отыскивая места для укрытия. При скорости лошади 20–25 верст в час круг поиска увеличивается на сотни квадратных верст. Понимаете – на сотни! И второе: чего только не скажет человек, который сидит в тюрьме в ожидании палача! Вспомните: Унгерн отправил свою золотую экспедицию втайне от всех. Вряд ли Сипайло был исключением. Он был старательным палачом, но не пользовался при этом полным доверием барона! Допускаю, что он мог подслушать заключительный разговор

Унгерн с Ергоновым, но это представляется мне крайне маловероятным! Что-что, а дисциплина у барона в дивизии была железная!

– И тем не менее вам приказано начать поиски! – упрямо наклонил голову Масао.

– Я попытаюсь выполнить этот нелепый приказ, господин Масао. Но скажите-ка мне: почему поиски не поручены японским войскам, которые находятся от «объекта» гораздо ближе, чем мы? В конце концов, у них в руках сам Сипайло! Он обещал указать точное место – почему ваша резидентура в Хайларе не воспользуется такой возможностью? У них же гораздо больше шансов, господин Масао!

– Я этого не знаю. Возможно, наши военные не желают переходить границу, чтобы не давать большевикам повод упрекнуть Японию в нарушении договоренностей!

– Ха-ха-ха! Когда это Япония строго выполняла подписанные соглашения, господин Масао? Впрочем, наш спор беспредметен. Извольте предоставить мне аналогичную карту такого же масштаба, и я начну поиск!

Масао несколько растерялся:

– Но где я раздобуду вам такую карту?

– А мое какое дело? Я не обязан ее искать – в приказе об этом ничего не сказано! Лично у меня есть только двухверстка. Хотите проверить мой планшет? Или все сумки? Пожалуйста!

Круто повернувшись, Берг направился к костру. И сколько за вечер Масао ни пытался завести с ним разговор на «карточную» тему, он упорно отмалчивался.

На следующее утро Масао пораньше встал и, отказавшись от завтрака, поспешил в Ургу. Агасфер распорядился:

– Саржон, быстренько запряги телегу и подвези этого упряма до городских ворот. Попросит везти его куда-нибудь еще – отвези. Но повозку ему не отдавай и сам не спускай с нее глаз, если придется где-то ждать.

– Понял, хозяин!

– И передай ему, что в два часа пополудни мы выезжаем в сторону Хайлара – с ним или без него!

Немного погодя к Агасферу подсел Медников. Покряхтев и помолчав, он поинтересовался:

– Так мы выдвигаемся в Хайлар, Бергуша?

– Ты же знаешь, что я получил приказ. Между прочим, с угрозой: если я откажусь, Осама не отпустит меня «на волю». Проболтался генералу Озаме, старый осел!

– Где же Масао найдет в Урге военную карту? Тут нет ни китайских, ни советских войск. А ламы картами не пользуются...

Агасфер усмехнулся:

– А мое какое дело? Впрочем, кое-какие соображения на сей счет у меня есть, но я не собираюсь делиться ими с этим наглым сопляком. Ху, Андрей! Быстро собирайтесь, вы поедете в Маймачэн²⁰. Обойдите всех торговцев – наверняка кто-то из них имеет такую карту: Унгерн и китайцы тут много чего побросали! Но мне нужна только десятиверстка!

Вернулся проводник Сунжон, доложил: Масао доехал только до городской стены.

– А что теперь нам делать? – поинтересовался Медников.

– Отдыхай пока, старик. Полежи под пологом: солнце сейчас начнет припекать. И я с тобой прилягу до возвращения наших...

Но долго полежать Агасферу с Медниковым не удалось. Оставшийся на карауле Линь вскоре растолкал хозяина и молча ткнул пальцем в сторону городских ворот Урги. Бинобль никому не понадобился: вскоре в абсолютно голом человеке, кое-как прикрывавшим «причин-

²⁰ Торговая слобода на окраине Урги.

ное» место обрывками лохмотьев, был опознан Масао. Спотыкаясь, он бежал к лагерю изо всех сил. За ним мчалась стая тощих псов и свистящих и хохочущих оборванцев.

– Жалко, что у меня нет фотокамеры, – хихикнул Медников. – Кадр получился бы классный! Что это с ним, Бергуша?

– Скоро узнаем, – невозмутимо отозвался Агасфер. – Ты бы лучше приготовил жердь потолще – отгонять «сопровождающих» капитана японской Императорской армии...

Добежав до лагеря, Масао с ходу запрыгнул под полог фургона. Оттуда понеслась отборная японская брань попеременно со стенами.

Вылез Масао из-под полога только тогда, когда послышался стук колес подъехавшей телеги с Безухим и Андреем. Японец успел надеть запасное платье и с вызовом поглядывал на окружающих, ожидая хохота и насмешливых вопросов. Но ничего такого не было: Агасфер успел погрозить друзьям кулаком и сам сидел с невозмутимым видом.

– Судя по вашему виду, вы явились без карты, господин Масао. И наверняка попали в какую-то переделку. Не желаете ли рассказать?

Явно пересилив себя, Масао неохотно рассказал о своем конфузе. В Урге он не нашел ничего лучшего, как разыскать вчерашнего любезного начальника полиции. Разбудив его, он заявил о необходимости непременно раздобыть карту-десятиверстку, которая нужна экспедиции. И посулил заплатить, если тот поможет хотя бы дельным советом. По словам Масао, «полицмейстеру» долго пришлось втолковывать, что именно он ищет. Наконец, просияв, тот торжественно отвел его в мелочную лавку, где в ассортименте торговца оказались карты-учебные пособия. И первую карту, которую ему с гордостью предложили, оказался... политический атлас РСФСР.

Давясь от смеха и сдерживаясь изо всех сил, Медников поспешил залезть под повозку.

Покосившись на него, Масао продолжил свой рассказ. В конце концов, два-три каких-то оборванца, которым Масао показал драгоценный обрывок карты бурята, заявили, что знают военного человека, у которого есть такие карты. Они повели Масао в кривые закоулки старого города, где их явный сообщник, улучив момент, стукнул японца по голове чем-то тяжелым. Потерявшего сознания Масао немедленно обыскали и содрали с него всю одежду, включая носки.

Очнувшись Масао абсолютно голым – от того, что его с самым недвусмысленным видом обнюхивали здешние псы. «Провожатых», естественно, и след простыл.

Остаться в незнакомом городе без копейки денег, да еще с учетом того, что монголы питают к китайцам чувство враждебности за их многолетнее угнетение – это было уже не смешно. Каким-то чудом Масао посчастливилось выбраться на главную улицу – но здесь голого Kuánggrén²¹ окружила толпа. Выхватив у зеваки газету и кое-как прикрывший ею, Масао пустился бежать...

– Почему вы перед своим одиночным походом не подумали об одежде? Или вы полагали, что местное население в состоянии отличить японца от китайца? – поинтересовался Агасфер. – В конце концов, вам повезло, что тюркские народы испытывают к сумасшедшим суеверное почтение и не забрасывают их камнями, как в некоторых европейских странах. Шишка на затылке? Считайте, что легко отделались, Масао! Легкая пробежка в голом виде? Тут пострадали только ваши чувства. Ху, ты принес то, что мы ищем? – повернулся Агасфер к Безухому.

Тот кивнул и протянул целую кипу карт, среди которых нашлась и десятиверстка.

– Торговцы в Маймачэне подобрали все, что побросали в спешке китайские войска, гонимые бароном, – небрежно пояснил он. – В эти карты и прочие официальные бумаги торговцы теперь заворачивают продукты...

²¹ Сумасшедший (упрощ. *кит.*).

– Ну, вот, господин Масао, искомая карта и нашлась, – кивнул Агасфер. – Давайте попробуем поиграть в «мозаику»! Где ваш обрывок?

Но у Масао был столь несчастный вид, что Берг и сам догадался: грабители забрали у него не только одежду, ботинки с носками, кошелек и какую-то мелочь, но и драгоценный обрывок карты.

– Вот для меня и формальный предлог отказаться от выполнения приказа вашего генерала, – нравоучительно заметил Агасфер. – Память у меня, конечно, осталась – но, предупреждаю, что я всегда с легкостью запоминал только большие объемы печатных текстов. Таблицы и схемы всякого рода – гораздо хуже. Тем не менее можно попробовать...

Расстелив под тарантасом карту Бурятии, Внутренней Монголии и примыкающей части Китая, Агасфер стал ее внимательно разглядывать.

– Вот краешек Байкала и линия Транссиба, – бормотал он. – Это, будем считать, Гусиное озеро. Вот эти высотки с трехзначными пометками – явно Горная Бурятия, которую мы форсировали... Вот это, должно быть, Хайлар. Погодите-ка!

Он достал из планшета свернутую двухверстку с отмеченным маршрутом экспедиции и принялся сравнивать отметки.

– Да, все верно: это Гусиное озеро, отправная точка Ергонова, а это Хайлар, куда он не смог добраться, – он достал из планшета циркуль, отмерил им 150 верст и сделал большой круг с центром в Хайларе. – Теперь прошу всех помолчать и не сбивать меня с толку: я должен вспомнить детали утерянного обрывка. На нем были помечены пара сухих ручьев и несколько холмов...

Бормоча что-то себе под нос и делая на карте легкие пометки карандашом, он наконец очертил кусок пустыни, восстановил по памяти прочерченную Унгерном линию с кружками. И наконец, обвел карандашом участок, напоминающий контуры исчезнувшего обрывка бурята.

– Думаю, что это где-то примерно здесь, – он устало разогнулся, помял рукой затекшую поясницу.

– Но обрывок карты бурята был гораздо меньше, – попробовал вставить слово Масао.

– Конечно, меньше! Но в той «вводной»²² не было Хайлара и примерного от него расстояния до объекта, – возразил Агасфер. – Кстати, господин Масао: вы не могли бы еще раз прогуляться к своим английским друзьям и с помощью их рации попытаться добиться от Токио ответа? Почему они, в самом деле, не хотят воспользоваться услугами Сипайло? Прикиньте сами: это всего три-четыре часа на автомобиле, даже с учетом бездорожья! Я не думаю, что большевистские разъезды перекрыли всю линию границы в том районе: скорее всего, красные патрули бывают нам довольно редко. Заодно доложите, что утратили имевшуюся карту, и район поиска теперь значительно расширился. Согласитесь, господин Масао: теперь настаивать на поисках клада Ергонова – все равно, что чесать левое ухо правой рукой!

– Наверное, вы правы, – пробормотал Масао. – С другой стороны, в Токио видят ситуацию гораздо шире, чем мы тут. Но потеря оригинала карты меняет всю картину и уменьшает, насколько я понимаю, наши шансы. Если вы позволите воспользоваться тарантасом и дадите сопровождающего, я, пожалуй, рискну еще раз выйти на связь...

– Нет проблем! Сопровождающего можете выбрать сами, господин Масао!

Посланцы на тарантасе вернулись через два часа.

– На сей раз немедленного ответа не дали, – доложил Масао. – Информация принята к сведению, ответ будет, скорее всего, поздно ночью или завтра утром.

– Значит, будем ждать до завтра, – постановил Агасфер. – Сегодня у нас – свободное время. Можем посетить ламские монастыри, если кому-то хочется – или просто отдохнуть

²² «Вводная» (информация) – военный термин, означающий поставленную перед войсками или армейским подразделением задачу.

здесь. О-о, чуть не забыл! Евстратий, ты хотел поинтересоваться ассортиментом здешних торговцев драгоценностями! Вот тебе и возможность – сходи. Безухий поможет тебе...

Поначалу Медников с удивлением воззрился на Берга, но тут же вспомнил уговор поискать в Урге золотое колечко для сестры Ханжикова взамен поддельного. Он бодро собрался, кликнул Безухого Ху и отправился в Маймачэн.

Оставшиеся, поручив караул лагеря проводникам, пошли выбирать самые прохладные местечки для отдыха.

* * *

На следующее утро Масао и сопровождающий его проводник отбыли за ожидаемым ответом в британскую миссию и вернулись с хорошей, как расценил ее Агасфер, новостью: генерал Озава не только отменил свой приказ относительно немедленного выезда экспедиции в район Хайлара, но и счел нужным мотивировать свое решение. По его данным, в район вероятного нахождения объекта «код 06» выдвинулись две конно-стрелковые дивизии 5-й армии из советского Прибайкалья. Дивизии полного состава были экипированы, помимо оружия, стальными щупами для поиска упомянутого объекта. Что касается экспедиции, то ей предлагалось возвращаться в Верхнеудинск и продолжать работать по утвержденному ранее плану.

Агасфер, не выдержав, рассмеялся:

– Вот оно как получается, господин Масао: «течет крыша» у вашей хайларской резидентуры! Теперь у генерала Озавы появилась новая головная боль: будет искать двойного агента в Хайларе. Того, кто «слил» информацию Сипайло большевикам!

– Почему вы злорадствуете, господин Берг? – вяло возразил японец. – Информацию русской разведке мог слить кто-то из тюремного персонала, где держат Сипайло.

– Бросьте, Масао! С чего бы этому уроду рассказывать всей тюрьме о местонахождении клада? Тем более тюремщикам? Ладно, будем собираться в обратный путь! Сунжон, Айдархан, готовьте повозки!

* * *

Подъезжая к Верхнеудинску, путешественники, памятуя про собачьи стаи, приготовили палки и жерди и направились к тупику, где их дожидались оставленные вагоны-теплушки и платформы.

Найдя свой тупик, они с удивлением обнаружили, что теплушки исчезли.

– Что за чертовщина? – удивился Берг. – Комендант лично обещал, что все наше хозяйство будет на месте и под надежным присмотром. Ну, пошли искать...

Вскоре пропажа была обнаружена в другом тупике. А возле теплушек топтались двое красноармейцев с винтовками. Увидев подходящих путников, оба сдернули с плеч винтовки, передернули затворы:

– Не подходи! Руки в гору! Документы!

Берг, не возражая, поднял руки и миролюбиво заговорил:

– Товарищи красноармейцы, вы охраняете имущество моей экспедиции! У меня есть все документы, мандаты и разрешения! Вот они! Понимаете, мы являемся научной экспедицией и работаем по настоятельной просьбе президента Дальневосточной республики товарища Краснощекова...

– Не подходи, кому сказано?! Старик, три шага вперед, положи документы на землю и вертайся обратно! Руки держать на виду.

Не опуская винтовки, один из часовых осторожно приблизился к портфелю с документами, подобрал его и, пятясь, вернулся на прежнее место. Второй хмыкнул:

– Научная, говоришь? А два ящика гранат и «адские машинки» – тоже для науки? Теракт готовили, точно комендант сказал!

– Адские машинки? – растерянно переспросил Агасфер.

– Это, наверное, он запасные сейсмографы имеет в виду, – догадался Андрей.

Красноармейцы были явно не в ладах с грамматикой. Начав просматривать бумаги с печатями, один передал документы другому и что-то прошептал на ухо.

– Да отсюда до комендатуры с версту шагать! – в голос возразил второй. – Их эвона сколько, а меж вагонами, может, еще сообщники притаились. Как их вести? Надо разводящего со сменой караула ждать!

Причина сомнений караульных была понятна. Откашлявшись, Берг предложил им свой вариант проблемы:

– Хорошо. Свяжите моим товарищам руки. Один из вас остается в карауле, а второй отведет меня к коменданту вместе с документами. Я инвалид, у меня нет одной руки – вам нечего бояться! Смотрите! – Агасфер отстегнул протез и бросил его на землю.

– Спасибо, папочка! – прошептал Андрей. – Предложил бы уж нас расстрелять, на всякий случай...

– Не шептаться! – рявкнул один часовых.

После долгих препирательств предложение Берга было принято. Участники экспедиции, включая проводников, были опутаны веревками и даже привязаны к вагонной оси. Спор о том, надо ли связывать однорукого старика, решился в пользу гуманности: Агасферу разрешили взять портфель с бумагами и шагать впереди часового.

К станции шли долго, но все когда-то кончается. У комендатуры конвоир криками разогнал собравшихся железнодорожников и зевак и с торжеством завел пленного Агасфера в помещение.

У Берга екнуло сердце: человек в кресле коменданта был ему совсем незнакомым.

– Ты кого еще привел? – рявкнул незнакомец за рабочим столом. – Меж вагонами шлялся?

– Так точно! То есть говорит, что он старшой экспедиции. Документы все у него, говорят...

– Давай сюда! Почему не связан?

– Дык одна у него рука-то... К чему вторую, цельную привязывать-то? – шмыгнул носом конвоир.

Начав перебирать документы со скептической улыбкой, постепенно комендант улыбаться перестал. Бумаги с гербом ДВР и размашистой подписью Краснощекова он разглядывал чуть ли не свет. Не найдя к чему придраться, комендант все же покачал головой:

– Черт его знает... Может, и не подделка. Но все равно подозрительно: иностранцы, с двумя ящиками гранат и каким-то чудными приборами, работают в тылах Красной армии... Зачем, почему? Буду Читу запрашивать, – решил комендант.

– Я попрошу вас, гражданин комендант, дать депешу и на станцию Хилок, на имя уполномоченного Сибревкома товарища Горностаева.

– Ишь, раскомандовался, – проворчал комендант. – Это еще зачем товарищу Горностаеву телеграфировать?

– Чтобы он вам подтвердил, что наша экспедиция приняла активное участие в бое с бандой некоего Костыля и помогла всех бандюг передать в руки властей.

Комендант подозвал помощника и зашептался с ним. До Агасфера долетали обрывки:

– А если все правда?

– Краснощеков шум поднимет...

– Так куда пока этого-то?

– Как куда? В «холодную»!

– А Краснощеков? Ответ на депешу можно и до утра ждать...

– А бдительность?

Все кончилось тем, что комендант вызвал станционного телеграфиста и продиктовал депешу в Читу и станцию Хилок.

– А вас, господин-товарищ прохфессор, я до ответа попрошу побыть взаперти. Место мы вам подберем. Вы меня извиняйте за бдительность – я тут человек новый. Прежнего перевели, про вас мне ничего никто не говорил. Покушать, если что – организуем...

– Я не согласен, – решительно заявил Агасфер. – Я, по-вашему, буду сидеть здесь взаперти и что-то кушать, а мои коллеги сидеть в тупике, на мазутной земле, возле наших же теплушек, связанные по рукам и ногам?! Давайте уж тогда и меня к ним! Или их сюда.

После некоторых споров вопрос решился в пользу последнего предложения Агасфера. За командой у теплушек отправили нескольких красноармейцев и железнодорожников с повязками на рукавах, причем Агасфер настоял, чтобы возле сцепки с имуществом экспедиции был оставлен усиленный наряд.

Через час-полтора на станцию привели остальную команду. Всех определили в тесноватую кладовку за кабинетом коменданта.

Еще через час пришла категоричная депеша-молния со станции Хилок: «Арестованных вами иностранных участников научной экспедиции немедленно освободить. Ручаюсь за каждого. Уполномоченный Сибревкома Горностаев».

А еще через два с четвертью часа в коридоре послышалась ругань, тяжелые шаги, и дверь кладовки широко распахнулась. На пороге стоял Горностаев – весь в пыли и копоти. Улыбнувшись пленникам, он тяжело повернулся к коменданту:

– Ты, сын своей мамы, мою депешу получил? Когда? Два часа назад? И после моего ручательства ты, сукин сын, позволил себе оставить уважаемых людей в этом крысятнике?! Я словно чувствовал: депешу отправил, а сам взял мотодрезину да и сюда рванул. Ну, мы с тобой на парткоме об этом поговорим, дорогой мой!

– Так от товарища Краснощекова ничего пока нету, – пискнул комендант.

– А бумаги от него тебе предъявили? Это что – подтирка для тебя? Подтирка, я тебя спрашиваю? Я так ему и передам, имей в виду!

– Я так не говорил, – заверещал комендант. – У меня свидетели есть!

– «Свидетели»! – передразнил Горностаев. – Вот ты людей связанными держишь, а знаешь ли, к примеру, что двое вот этих парнишек – двое! – девятерых бандюг раскидали? Будь они террористами, они бы тебя под стулом пару раз протащили. Бдительный! Покормил хоть?

– Тык... талонов лишних нету, товарищ Горностаев.

– Выдать сухим пайком и проводить до теплушек. У них там, мне одна птичка шепнула, окорочок был такой, что! – Горностаев поцеловал кончики пальцев и тут же погрозил коменданту пальцем. – Если твои оглоеды его сожрали – пожалеешь!

– Только конфисковали в порядке обыска, товарищ Горностаев! Вместе с гранатами и «адскими машинками». Все цело, принято по описи, хранится на леднике.

– Вот что, комендант. Я сейчас твоих «арестованных» забираю, ждаль ответа от товарища Краснощекова буду у теплушек, в тупике! Гранаты и прочее, – Горностаев выразительно щелкнул себя по горлу, – гранаты и прочее, говорю, доставить туда! Я рано утром уеду обратно. И если эти люди мне завтра до вечера не «просемафорят», что ты прицепил их к первому эшелону до Тырети, – гляди, комендант! Был сцепщиком вагонов – до смазчиков «повышу»! А может, и партбилет на стол положишь. Все, господа-товарищи, пошли!

Глава тридцать первая

На поиски пещеры

(Сибирь, станция Тайтурка, 1921 год)

Автодрезина, которую Мржавецкий, сумел, как и обещал, раздобыть в управлении железной дороги, шла довольно ходко, однако на подъемах ревела и рычала, окутываясь облаком смрадного дыма. Рассчитанная на 4–5 человек, она, кроме машиниста, везла восьмерых. Ее пассажирам было тесновато. Долмана, которому постарались оставить побольше места, усадили рядом с машинистом, однако капризный американец такому соседству был вовсе не рад. Машинист, переключая рычаги, без конца тыкал в соседа локтем и поминутно звучно сморкался с помощью двух пальцев. После каждого толчка и носового «залпа» Доллман гневно оглядывался на ютившихся позади Мржавецкого и Цепенюка, и тем оставалось только искаательно и виновато улыбаться: дескать, мы-то тут при чем?

Позади них еле пристроились помощник Долмана Маркин, двое инженеров-путейцев со своими теодолитами, а пара рабочих с кирками и кувалдами и вовсе еле примостились на задней раме, матерясь, изо всех сил поджимая ноги и все же то и дело чиркая подошвами сапог по шпалам.

Но все на свете когда-то кончается – кончился наконец-то и этот мучительный пробег. Висморкавшись напоследок, машинист сбавил ход и остановил свой механизм, объявив:

– Пять тыщ восемьдесят первая верста! Приехали, стало быть...

Пассажиры торопливо покинули тележку и затопали по шпалам, разминая затекшие ноги. Цепенюк мотнул головой влево, на узкий проход между сходящимися сопками:

– Это там, господин Доллман.

Тот прошел с полсотни шагов, остановился и скептически обернулся на Цепенюка:

– Вы вроде, господин хороший, говорили о том, что отвозили э... груз на санях? Какие же тут сани? Тут и на велосипеде не проедешь!

– Так зима была, снегу намело много – вот и был проезд, – торопливо объяснил тот. – То самое место, Богом клянусь! Извольте поглядеть – вот Тайтурка, а напротив, верстах в полутора – тот самый блокпост Половина!

– Не знаю, не знаю... Это не дорога, а козья тропа какая-то. Впрочем, раз уж мы приехали, – он повернулся к путейцам, угрюмо топтавшимся со своими треногами чуть позади. – Раз уж мы приехали, вы, господа, приступайте к съемке! Мы тут немного... прогуляемся. Черт бы побрал эту прогулку! Ноги бы не переломать! Господин Мржавецкий, пусть ваш товарищ идет впереди, дорогу показывает!

Мржавецкий и Цепенюк благоразумно промолчали, лишь махнули рукой двум дюжим рабочим, зова их за собой.

– Эй, товарищи! – окликнул машинист дрезины, потрясая часами-луковицей. – Ежели далеко пойдете, имейте в виду: через пять часов мне надо освободить колею для товарного состава. Не вернетесь – без вас уедем...

Через три четверти часа, оскальзываясь на неровной каменистой тропе и мерзко сквернословя, Цепенюк остановился, перевел дыхание, и вытянул руку вперед:

– Вот они, Холмушинские скалы, господин Доллман!

– Насколько мне помнится, вы говорили, что они в четверти часа ходьбы от железной дороги, – желчно выговорил американец. – До этих двух скал мы шли по меньшей мере полчаса! Вы ничего тогда зимой спьяну не перепутали?

Цепенюк промолчал, сам не понимал, в чем дело. Той страшной зимой ему действительно показалось, что дорога от станции до Холмушинских пещер гораздо короче. Он на всякий случай даже оглянулся – не видать ли поблизости пары других грязно-серых скал?

До ближайшего поворота тропа, по которой они пробирались, была относительно ровной. Насколько помнил Цепенюк, к огромной воронке, на склоне которой был вход в пещеру, пришлось добираться без лошадей: спуск был довольно крут...

– Одну минуту, мистер Доллман! – натянуто улыбнулся он американцу. – Дорогу припоминаю... Вы постойте, господа, туточки – а я вперед пробегу, приметы поищу.

Не дожидаясь ответа, Цепенюк зарысился к повороту. Добежал, огляделся и запрыгал от радости: теперь он ясно видел склон огромной воронки, на краю которой громоздилось три валуна. На одном из них еще виднелись остатки обрезанной им в ту зиму веревки.

– Вот это мест, господин Доллман! – заорал он, продолжая приплясывать. – Вот оно! Я же говорил! Ну, а что дорога зимой короче показалась – снег ж был, на санях ездили!

Оскальзываясь на крутой тропе, Доллман с помощником и Мржавецкий подбежали к Цепенюку.

– Вербка! Наша веревка! Спускались тогда. Эй, мужики, давайте нашу веревку!

Американец, скептически кривя рот, обшарил склон воронки через линзы бинокля, пожал плечами:

– Не вижу никакой пещеры, – пожаловался он.

– На те камни глядите, мистер Доллман! Где кусты – там вход! Ребята, веревку привязывайте покрепче! Я первым пойду, а как доберусь до кустов – помаючу. И вы за мной...

Перебирая руками веревку, он спустился до указанного места, заглянул в пещеру. Помахал руками спутникам: не робейте, мол!

Помедлив, американец ухватился за веревку и начал неуклюже спускаться. Выплывая из сжатого в линию рта ругательства, он добрался до Цепенюка и очутился рядом с ним на небольшой площадке перед входом в пещеру. Вербка снова затряслась: по ней одновременно начали спускаться Маркин и Мржавецкий.

Доллман подозрительно всмотрелся в крошечную темень пещеры и отступил в сторону:

– Надеюсь, вы не забыли взять фонари? Вот и заходите вперед. Идите не слишком быстро: мне не нравится запах, идущий оттуда...

Кроме фонарей, Цепенюк, как оказалось, прихватил и оружие. Достав револьвер и щелкнув курком, он шагнул вперед. Помедлив, американец включил свой фонарь и осторожно двинулся следом. Сзади слышались ругательства и проклятия Мржавецкого. Он и помощник американца втиснулись в пещеру с фонарями в руках. По стенам пещеры забегали яркие пятна.

– Где же золото? – сварливо осведомился Доллман.

– Оно не здесь, а во второй пещере! Я же говорил вам. Видите вход? – Цепенюк показал лучом фонаря. – Я его подорвал гранатой, на всякий случай... Сейчас мужики спустятся и мигом раскидают.

– «Мигом», – передразнил американец, тыча в лицо Цепенюку наручные часы. – Этот русский негодяй на дрезине сказал, что не может ждать больше пяти часов. А прошло уже два с четвертью! И один бог знает, сколько времени потребуется рабочим, чтобы расчистить завал! Мистер Мржавецкий, я вам удивляюсь! Почему вы не догадались взять сюда побольше рабочих?!

– Чем больше народа будет знать о нашей экспедиции, тем труднее будет обеспечить тайну пещеры, мистер! – огрызнулся Мржавецкий. – У вас что, все дурные такие в вашей Америке?

– Не ссорьтесь, господа, – примирительно забормотал Маркин. – Я слышал, что скальные породы здесь мягкие, работа пойдет быстро!

Вскоре в пещере, звеня ломами, очутились рабочие.

– Быстрее, ребята! Освободите тот проход, – распорядился Цепенюк. – Раздолбите просевший валун, дальше будет легче!

– Насчет быстрее уговора не было, ваш-бродь, – завздохали мужики, примериваясь к валуну. – Прибавить бы надо к уговору, господа-товарищи!

Цепенюк переглянулся с Мржавецким, незаметно подмигнул. Компаньоны и не собирались платить рабочим, их ждала бутылка отравленной водки.

– Второе заплатим, ребята, ежели через четверть часа проход раскопаете, – посулил Мржавецкий, светя фонарем на валун.

Работа закипела. Камень и впрямь оказался мягким, при каждом ударе от него отлетали крупные куски породы. По мере углубления в скалу проход сужался, и рабочие, сменяя друг друга, заползали туда по одному. Наконец доложили:

– Так что, ваш-бродь, попасть во вторую пещеру никак не возможно! Каменюка над лазом навис, страшно его тревожить: рухнет полстены, и головешку расколет. Заглянуть можно: ящики какие-то стоят. И мертвяки на полу. А уж воняют! Тут на день работы, граждане!

– Ну-ка, пустите! – Цепенюк решительно отодвинул мужиков и опустил на четвереньки. – Я сейчас сам гляну...

Отчаянно ругаясь, он пополз по лазу.

– Мертвяки? – не понял Доллман. – Это значит, мертвые люди? Откуда здесь мертвые люди, мистер Мржавецкий?

– А это у товарища моего спросите, – уклонился тот. – Я-то здесь, как и вы, впервые.

Из лаза показались ноги Цепенюка. Извиваясь и отплевываясь, он выбрался из прохода, встал на ноги, покрутил головой, стряхивая пыль и мелкий мусор.

– Можете сами глянуть и убедиться, что мы вас не обманывали, мистер Доллман, – проговорил он. – Ящики на месте. Только, упреждаю, вонища там стоит... Не задохнитесь!

– Почему там мертвые люди, господа? – накинута на компаньонов Доллман. – Вы ничего не говорили о них!

– Давайте об этом потом, мистер! – попросил Цепенюк, кивая на рабочих. – Ничего не поделаешь: издержки производства, так сказать... Я позже все объясню.

Американец скинул на руки Маркина габардиновый летний плащ, брезгливо посмотрел на грязь под ногами и полез в лаз. Пробыл он там недолго. Выбравшись, он сделал несколько шагов в сторону и согнулся почти пополам.

Рвало его долго. Наконец Доллман выпрямился, потребовал у Маркина фляжку, сделал из нее несколько глотков, отдышался, с отвращением поглядел на Цепенюка.

– Не глядите на меня так, мистер из Америки, – пошел в атаку Цепенюк. – К вашему сведению, у нас тут, в России, шла война!

– Знаете, я где-то слышал про это, – насмешливо отозвался Доллман. – И что же?

– Ребята, вы на воздух пока выйдите, покурите, – попросил Цепенюк рабочих. – Мы сейчас вас догоним... Так вот, мистер Доллман! Когда мои солдаты перетаскали во вторую пещеру все золото, мы с товарищем предусмотрели возможность того, что кто-то из них может проболтаться, и тогда все наши старания пошли бы насмарку. В общем, мистер Доллман, у нас не было в тот момент иного выхода...

– Насколько я понимаю, вы избавились от свидетелей? – хмуро поинтересовался американец. – И вся эта вонь... Вы оставили трупы рядом с золотом!

– А куда бы я их дел? – огрызнулся Цепенюк. – По-вашему, мне надо было вытащить их и похоронить с воинскими почестями? Или вовсе не марать рук, чтобы они имели возможность по дороге к станции пристрелить меня и завладеть золотом?

– Черт меня дернул связаться с вами, – буркнул Доллман. – Вы просто патологический убийца! Вы хоть понимаете, какой вой поднимут большевистские газеты, если всплывет мое

участие в разгребании этого грязного могильника? Бог мой – да что газеты! Мы все попадем в лапы к чекистам!

– Вас дернул не черт, а перспектива за здорово живешь, не марая ручек, положить в карман 65 пудов золота! Или, по-вашему, около тонны драгоценного металла! – не сдержавшись, заорал Цепенюк. – Вы, очевидно, рассчитывали на то, что я приведу вас в чистенький аккуратный курятник, где в стерильных корзинках американского образца сложены тщательно промытые золотые яйца? Так вот, мистер Доллман имейте в виду: волшебные куры несут золотые яйца только в сказках! А в реальной жизни золото – это грязь и кровь!

– Тише, пожалуйста, – попросил американец. – Скажите мне точно: сколько человек, кроме меня, вас, вашего погибшего товарища и Мржавецкого, знает об... об этих вынужденных, как вы уверяете, обстоятельствах?

– Только мы пятеро, если считать вашего помощника. Без погибшего товарища – четверо. И все, клянусь!

– А эти парни? – Доллман кивнул в сторону рабочих.

– Они привычные к покойникам, мистер! – вступил в беседу Мржавецкий. – Мне шепнули, что раньше они служили помощниками у Сипайло, у главного палача Унгерна! Да и нынче эти недоумки работают в холерном бараке! Уж там-то они насмотрелись и не такого! Вряд ли их удивит зрелище двух десятков трупов... Каждый день по телеге жмуриков вывозят из города и закапывают в канавах...

– Вы считаете их недоумками? – поднял брови Доллман. – Их привезли в уединенное место, показали вход в пещеру, приказали пробить ход в другую. Они видели во второй пещере не только трупы, но и ящики с чем-то ценным. А потом им дадут немного денег и попросят держать увиденное в секрете... Вы надеетесь, что они никому не расскажут о пещере? Или не попытаются вернуться сюда сами?

– У них не будет на это времени, мистер Доллман, – заверил Мржавецкий. – У меня в саквояже приготовлена для них водка с некоей добавкой. Ну, дальше вы и сами сможете домыслить!

Доллман заткнул уши и затряс головой:

– Я не желаю, слышите, не желаю больше ничего слышать! Мне не интересно, что произошло здесь с вашими солдатами полтора года назад! Мне нет дела до того, что будет с этими двумя дегенератами, с двумя-тремя десятками рабочих, которые будут перетаскивать отсюда к железной дороге наше золото!

– Как скажете, мистер Доллман, – ухмыльнулся Цепенюк. – Вам и не надо ничего знать! Заглянули в пещеру с сокровищами одним глазком, и будет с вас! Все будет устроено наилучшим образом, уверяю вас!

– Вы правы, я глянул в ту пещеру мельком, но глаза у меня зоркие, мистер! Я заметил в щелях между досками ящиков блеск золота. И обратил внимание на то, что в пещере страшно сыро! Ящики явно сгнили и еле держатся, а переносить их возможно только вдвоем. А мы, господа, не можем приставить к каждой паре носильщиков доверенного человека. Без присмотра любой жулик на ходу легко запустит свои лапы в ящик и сунет в карман горсточку-другую монет. Такие потери я считаю недопустимыми, господа! Какие будут идеи?

Цепенюк и Мржавецкий переглянулись, отдавая должное наблюдательности американца.

– Какие тут могут быть идеи, мистер Доллман? Не обивать же ящики металлической лентой...

– Это было бы прекрасно, но займет слишком много времени. Может, обвязывать каждый ящик веревкой?

– Не думаю, что это выход из положения, – покачал головой Мржавецкий. – Может, привезти побольше мешков и пересыпать золото в них?

– Нет, не пойдет, – Доллман прикусил губу и вдруг счастливо улыбнулся. – Мешки, господа! Да-да, вы правы – обыкновенные мешки! Только не перегружать в них наш клад, а помещать каждый ящик в мешок! Перевязать горловину – и вперед! Если носильщики будут крепкими ребятами – такую упаковку они и поодиночке тащить смогут! И лапы свои туда не запустят!

Приятели кивнули: идея американца им понравилась.

– Время, господин Доллман! – напомнил Мржавецкий. – У нас остается около двух часов, чтобы вылезти отсюда и добраться до дрезины.

* * *

На обратном пути один из рабочих, словно невзначай, полюбопытствовал у Цепенюка:

– А что в тех ящиках, ваш-бродь? Неужто золотишко?

Тот расхохотался:

– А ты себе можешь представить такую уйму золота, друг?

Рабочий неопределенно пожал плечами.

– Никакое там не золото, – вмешался Мжавецкий. – Там камни, образцы горных пород. Правда, довольно ценные, – поспешил добавить он, заметив понимающие ухмылки рабочих.

Когда те ушли по тропе вперед, Доллман ухватил приятелей за рукава:

– Их ни в коем случае нельзя отпускать от себя! – тревожно шепнул он. – Они слишком много видели! Могут разболтать, или сами вернутся сюда, пока мы будем готовиться!

– Прикажете застрелить? – усмехнулся Мжавецкий.

– Нет-нет, я не то подразумевал! – поморщился американец. – Я имею в виду, что пару дней их надо подержать при себе и никуда не отпускать. Они могут еще пригодиться!

– Где же прикажете держать этих «джентльменов»? – немедленно поинтересовался Мжавецкий. – К себе на квартиру, мистер Доллман, как я понимаю, вы их не возьмете? Боюсь, что и моя квартирная хозяйка тоже будет категорически против таких постояльцев.

Попререкавшись еще немного, сошлись на том, что Мжавецкому и Цепенюку все же придется взять присмотр за «дегенератами» на себя.

– Но имейте в виду, мистер Доллман, что один-два процента с вашей доли за такой присмотр будет снято, – то ли шутя, то ли всерьез предупредил Цепенюк.

Вернувшись к ожидающей их мотодрезине, компаньоны выяснили, что у них есть еще четверть часа – чтобы отдышаться и привести себя в порядок.

Вручив «дегенератам» две поллитровки – пока без отравы – Цепенюк, Мжавецкий и Доллман тут же, на рельсах, устроили короткий военный совет: надо было согласовать массу деталей грядущего предприятия. И, как ни бесился Цепенюк, ему пришлось согласиться на наем дополнительных людей – караульных у состава с вагонами-хопперами и у входа в пещеру – для присмотра за грузчиками.

– Я легко найду с десяток надежных людей, которые охотно возьмут на себя функции охранников, – заявил Мжавецкий.

– Кто они? – поинтересовался Доллман.

– В Иркутске изнывают без дела несколько десятков офицеров из «золотых» эшелонов покойного адмирала. Поначалу всех членов конвоя большевики арестовывали и посадили в Александровский централ, – Мжавецкий бросил короткий взгляд на Цепенюка. – А спустя какое-то время почти всех выпустили, решив, что ущерба советской власти они нанести не успели. Кое-то из этих людей примкнул к откровенным уголовникам, кто-то попробовал сбежать в Маньчжурию, к Семенову. Кто-то нашел обеспеченных и скукающих дамочек и поступил к ним на содержание. Есть и такие, которые просто слоняются по улицам в надежде встре-

тить однополчан и выпросить стаканчик-другой ханшина. В моем досье есть вполне надежные люди.

– Но им всем надо платить, – простонал Цепенюк. – Когда они узнают, что речь идет о золоте, они потребуют свою долю! И это будет не кулек семечек, уверяю! И потом: где гарантия, что они не разболтают? Я не хочу, чтобы за нас взялись чекисты! Они отберут золото, а нас поставят к стенке!

– Платить, конечно, придется, – вздохнул Мржавецкий. – Что же касается болтовни, то этого можно не опасаться: мы возьмем этих людей с собой в Харбин. Там пусть болтают сколько угодно – в Харбине только о золоте и говорят.

Помолчав, Цепенюк бросил на приятеля неприязненный взгляд:

– А вы не пробовали подсчитать, господин капитан, сколько золота останется у нас после вашего растранижирования? В частности, у меня? Половину всего клада рассчитывает забрать мистер Доллман. Судя по всему, вы, господин капитан, будете претендовать на половину оставшегося? То есть на четверть всего сокровища, не так ли?

Мржавецкий открыл было рот, но американец властно поднял руку:

– Минуточку, мистер Цепенюк! Раз уж зашла речь о дележе, давайте расставим точки над «i». Почему это вы назначили мне *всего* половину? – недобро прищурился Доллман. – А мои накладные расходы? А закупка шпал, щебня? Оплата дорожным рабочим, аренда вагонов-хопперов, локомотивов? Наконец, большевистской власти придется платить за прогон вагонов от станции Половина до Харбина! Я очень сомневаюсь, что вы, джентльмены, намереваетесь участвовать в этих тратах!

Цепенюк начал багроветь, а Доллман неожиданно рассмеялся:

– Вам нужно следить за своим кровяным давлением, мистер! Разумеется, все перечисленное я возьму на себя. А что до доли мистера Мржавецкого, то разбирайтесь с ним сами!

Цепенюк перевел дух и с надеждой покосился на капитана. Но тот был серьезен и не собирался утешать приятеля:

– Милый есаул, я не настолько обеспечен, как господин Доллман. Тем не менее мне ведь придется добывать «липовые документы» для команды охранников, желающих уехать в Харбин. Паспорта при пересечении тамошней границы – отнюдь не лишние. А стоит их изготовление здесь не кулек семечек, как вы недавно изволили выразиться! А организация всех этих разрешений властей на производство работ и непредвиденные расходы? Впрочем, если вы возьмете на себя последующую «ликвидацию» бродяг-носильщиков, то так и быть! Сделаю вам хорошую скидку!

Американец замахал руками:

– Эти детали обсуждайте без меня, господа! Я не хочу даже слышать обо всех этих гадостях! Давайте лучше обсудим временные границы нашего предприятия. Я беру на себя хлопоты насчет хопперов, щебня. Насчет локомотива, поступающего в наше распоряжение на неделю, договоренность с большевиками уже достигнута. В общем, через три дня моя компания готова будет приступить к отсыпке полотна и его трамбовке. К этому времени вопросы с охраной, носильщиками и прочим вами должны быть решены, господа! У вас меньше недели – срок, я полагаю, достаточно сжатый! Вы справитесь?

– Безусловно, мистер Доллман! – заверил Мржавецкий.

Назвать наступившие дни временем радостного ожидания предстоящей наживы было бы неправильно. Мржавецкий с утра убежал из дома – «подмазывать колесики» предприятия, по его выражению. Он же искал надежных людей для охраны и бегал из притона в притон в поисках носильщиков. Оставшись один дома, Цепенюк немедленно вооружался карандашом и бумагой и, прислушиваясь к шуму, крикам и пьяным песням в подвале, подсчитывал свои будущие барыши. А их становилось все меньше и меньше.

Через три дня Доллман передал, что у него все готово. Было решено перенести «штаб» будущей операции на место действия.

Глава тридцать вторая **Как встречают в Сибири** **(Сибирь, станция Залари, 1921 год)**

Угроза Горностаева возымела действие: переговорив по телеграфу с Иркутском, железнодорожный комендант объявил, что к вечеру экспедиционная сцепка будет прицеплена к формируемому грузо-пассажирскому составу.

– Одна токо беда, граждане иностранцы: в самой Тырети вагоны на путях оставлять никак нельзя: ваша сцепка весь участок Транссиба закупорит! – сообщил комендант. – По причине повреждения второй колеи на участке Тыреть – Зима движение временно производится по одному пути.

– И как же нам быть, дорогой товарищ комендант? – поинтересовался Берг, мельком сверившись с картой Прибайкальского участка железной дороги на стене.

– Придется ваши вагоны в Заларях отцеплять: там на станции раньше лесопилка была, и тупик имеется. Вот на него вас и поставят. А дальше вы уж на тарансах своих, – развел он руками. – Двадцать две версты до Тырети одолеете?

Прикинув по карте, Агасфер махнул рукой: Залари так Залари! Два десятка верст для монгольских лошадок, прекрасно зарекомендовавших себя в ургинском путешествии, – не проблема!

– Там и проселок вдоль колеи есть? Совсем хорошо!

– Хорошо, да не совсем, – возразил комендант. – Дорогу вдоль колеи при строительстве Транссиба прокладывали – для подвоза стройматериалов и запасов дров для паровозов. До 1919 года с ней все нормально было – а как пошли на восток чешские и колчаковские эшелоны, вдоль колеи такие битвы происходили! Большая часть мостов взорвана, а восстановить – руки не доходят. Так что не проселок там, а сплошные объезды по тайге. И к тому же банда под Заларями шибко шалит. Константин Замашиков там третий год уже атаманит.

– Ну, с советскими бандитами мы уже имели счастье под Читой познакомиться, – усмехнулся Агасфер. – У нашей экспедиции имеется оружие и некоторый опыт...

– Не знаю я о вашем опыте, господин-товарищ прохфессор, а только атаман Замашиков фигура сурьезная, – построжел комендант. – И потому уполномоченный Сибревкома товарищ Горностаев наказал вам непременно с Плыгиным поговорить. Это наш командир Черепановского сводного отряда ЧОН²³. Плыгину приказано рассказать вам об оперативной обстановке в волости. Местный штаб ЧОНа в двух кварталах от вокзала, мой человек чичас вас туда сопроводит...

Плыгин долго рассматривал мандаты Берга и, убедившись в весомости документов, вернул их владельцу.

– Ну, что вам сказать, гражданин профессор... Замашиков нашим коммунарам кровь портит давненько. Ушлая сволочь, бывший золотопогонник, с армейским опытом. Сам он родом из Троицка, домой вернулся в 1918 году. Советская власть поначалу к нему претензий не имела – пока бывший прапорщик не «прислонился» к отряду купца Обрушникова...

– Купца? – вежливо удивился Берг, ворвавшись в паузу. – Я до сих пор полагал, что русское купечество не принимало непосредственного участия в Гражданской войне. Купцы сочувствовали, финансировали повстанцев, но чтобы самим воевать...

²³ Части особого назначения (ЧОН) – военно-партийные отряды, создававшиеся при партийных ячейках районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и пр. Военнослужащие ЧОН именовались коммунарами.

Командир отряда ЧОН недобро прищурился:

– Повстанцами врагов советской власти изволите называть, гражданин профессор? Может, у вас в сытой Швеции – или откуда вы к нам прибыли? – бандитов и убийц повстанцами принято именовать. А для наших рабочих и крестьян – это ярые враги! И поступаем мы тут с ними как с врагами – уничтожаем! – Плыгин грохнул по хилому столу кулаком так, что чернильница и несколько папок подпрыгнули.

– Виноват, товарищ командир! – поспешил сгладить неловкость Агасфер. – Я в России, собственно говоря, недавно. И изъясняюсь на русском языке прошлого века. Поэтому прошу простить неудачное слово...

– «Неудачное»! – передразнил Плыгин. Посопев, он поправил папки и, вспомнив рекомендацию уполномоченного Сибревкома, решил не обострять ситуацию. – Так вот, Обрушников. Купчина собрал четыре десятка мужичков – приказчиков, оставшихся не у дел, бездельников деревенских, дезертиров – и давай воевать! Безграмотно воевал – но для нас удобно было: найти такую банду было проще простого. Нашли мы ее быстро и сильно, доложу вам, потрепали! Остатки банды ушли в тайгу, а Замашиков тогда с несколькими друзьями от Обрушникова отделился. Я ж говорил: военная косточка! Сообразил, что другая тактика нужна. И нынче его банда – навроде нерегулярного ополчения. Поделил Константин народец свой на звенья, и сидят его людишки до поры до времени либо у себя по домам, либо на дальних заимках. А как наметит Замашиков очередной налет – пошлет гонцов, и через день банда в сборе! Нападает на сельских активистов, на склады продотрядов, на красные артели в селах, грабит коммуны. Поймать Замашикова можно, полагаю, при наличии агентуры в деревнях, – а с этим делом у нас, прямо скажу, гражданин профессор, трудности! Не идет сознательное население на контакт с властями – кто из боязни, кто по идейным раскладам. Ну вот, собственно, и вся информация по банде.

– Спасибо, товарищ Плыгин! Нас, главным образом, интересует вопрос: попадет ли наша экспедиция под прицел атамана Замашикова? Интересны ли мы ему – как вы полагаете?

– Насчет интереса к вам сказать трудно, гражданин профессор. Мне вот, кстати говоря, тоже любопытно: с чего – отчего иностранные шведы жизнью своей рискуют и помогают советской власти научные исследования производить? – усмехнулся Плыгин. – Не от большой же любви к нашей революции, полагаю? Впрочем, это я так, к слову: раз Горностаев за вас ручается – стало быть, не вредные вы для нашей власти люди. А Замашиков... Разведка и агентурная работа у него поставлены крепко, ничего не скажешь! Думаю, что к вечеру дня, как экспедиция в Залари прибудет, Косте о вас уже доложат. А вот заинтересуется ли он? Попытается ли вас, как у нас говорят, «за вымя потрогать»? По секрету могу доложить: не только в Заларях и Тырети у него осведомители есть. И в Иркутске свои людишки у Замашикова имеются, а кое-какие данные говорят за то, что и в штабе ЧОНа евовная «крыса» завелась.

– Вы серьезно? – подивился Агасфер. – Я сам человек сугубо штатский, но таковым был не всегда. И хорошо знаю, что таких «крыс» надо уничтожать в первую очередь.

– Ха! А я, по-вашему, гражданин профессор, про такое не слыхал? Но слыхать – одно, а вот как вычислить «крысу» – совсем другое.

Плыгин откинулся на скрипучую спинку стула, закурил папиросу и несколько мгновений наблюдал за облачками дыма.

– Горностаев говорил, что ваша экспедиция дырки в земле делает, взрывает их и по приборам следит, – задумчиво протянул он. – С этой стороны вы Замашикову совсем даже не интересны: оружия у него хватает, продовольствием его снабжают, мешок денег с собой, полагаю, не возите... Вот если бы вы геологами были, золото искали – тогда да, атаман вами очень заинтересовался бы. Он ведь, паразит, понимает, что бесконечно от советской власти бегать не сможет. Что прищучим его – рано или поздно. И наверняка уход в Китай планирует – только кто его там с пустыми карманами ждет? Если бы он от вашей экспедиции прибыток

получить рассчитывал – я бы на вас, как на живца, простите за прямоту, попробовал бы Замащикова поймать. В общем, людей для охраны дать не могу, да и не считаю это оправданным.

– Да мы, собственно, охрану и не просим!

– Вы не просите – за вас просят, – отрезал Плыгин.

– А ваши активисты в Заларях имеются? – осторожно поинтересовался Агасфер. – На месте чтобы посоветоваться – насчет проводника, к примеру...

– Ячейка там есть, – кивнул Плыгин. – Только прямо скажу: пьют шибко, собаки! Да и то сказать – есть с чего! Одни во вражеском окружении, можно сказать. Запешь...

– Тем не менее вы полагаете, что мы можем передвигаться по уезду более-менее спокойно? – подытожил разговор Берг. – Без оглядки на бандитов?

– Совсем расслабляться, я думаю, все же не стоит, – Плагин встал, привычно разладил под ремнем складки гимнастерки и демонстративно поглядел на громко тикавшие на стене ходики.

* * *

Собрав свою команду, Агасфер рассказал людям о своем разговоре с командиром отряда ЧОН и сделал выводы:

– Плыгин уверяет, что для главного заларинского бандита мы неинтересны. Поэтому никакой охраны нам давать не хочет – хотя Горностаев, судя по недомолвкам, его об этом просил. Для нас это хорошо: не будет никто через плечо заглядывать. С другой стороны, власти нам доверяют не до конца. Не верят все-таки в то, что экспедицию только сейсмология интересует. Поэтому прошу и требую: никакой самостоятельности! Масао, это относится в первую очередь к вам! Никаких расспросов местного населения об эшелонах Колчака, о спрятанном золоте! Такими расспросами мы привлечем интерес не только красных чекистов и их осведомителей, но и агентуру бандитов!

Выдержав многозначительную паузу, Берг достал и развернул карту участка железной дороги, кивком пригласил товарищей подойти поближе.

– Маршрут у нас не очень внятный, господа, – сообщил он. – Получается так, что наши вагоны доставят через станции Тельминовская, Мальта, Тайтурка, Черемховская только до тупика в Заларях. Комендант уверяет, что на следующей станции, в Тырети, нашу сцепку невозможно приткнуть из-за ремонта путей. Никаких агентурных данных о том, что эшелоны Колчака «потеряли» часть золотого запаса в Заларях, у нас нет. Правда, досье господина Осамы-старшего может быть неполным, и в Заларях могут найтись неожиданные свидетели расхищения золота. Стало быть, выдвигаемся в Тыреть. Работаем там и возвращаемся в Залари. По разнарядке Сибревкома нас цепляют к первому составу на восток и доставляют до Тайтурки или до блокпоста Кутулик. Там колчаковские эшелоны, по версии русских следователей, потеряли изрядное количество золота.

– А нельзя начать с этой самой Тайтурки? – посопев над картой, осведомился Медников. – Поглядели бы там, а потом уж и на Тыреть двинулись. А оттуда можно и в Иркутск без пересадок двигать. А, Бергуша?

– Так было бы логичнее, – согласился Агасфер. – Да только железнодорожное начальство в Тайтурке, как комендант уверяет, слишком своеправное. Времени много можем потерять на всякие согласования. А то и вовсе не попадем в Тыреть – как вам такой вариант, господин Масао?

– Плохой вариант, – решительно высказался тот. – В Тыреть надо попасть обязательно!

– По карте от Заларей до Тырети 23 версты, но на деле, похоже, гораздо больше: мосты еще в Гражданскую взорваны и не восстановлены, – продолжил свой доклад Берг. – Есть объезды по тайге – но без проводника из местных не обойтись. А в Заларинской волости лютует

банда некоего Замашикова, у него в окрестных деревнях полно осведомителей. Вот и думай – кого брать в проводники? Возьмешь, а он, как Сусанин, аккуратно к атаману и заведет! Впрочем, будем решать проблемы по мере их возникновения!

На том и порешили. Локомотивной бригаде было выдано соответствующее предписание о внеплановой остановке и отцепке вагонов экспедиции в Заларях, и вечером экспедиция тронулась на запад.

* * *

К неожиданно задержавшемуся в Заларях поезду сбежался народ. Когда людям объяснили, что две теплушки и пара платформ должны остаться здесь, местные обыватели кинулись искать стрелочника: его услугами по причине давно закрытой лесопилки не пользовались. Наконец стрелочник был разыскан и приведен в относительно рабочее состояние. Однако сама стрелка словно прикипела к привычному месту, а противовес на ее рычаге исчез.

Начальник станции, только что получивший категорическую депешу из Иркутска о необходимости принять все меры для решения поставленной задачи и успевший отрапортовать о полной готовности вверенного ему хозяйства, готов был рвать и метать. Помощник машиниста тыкал начальнику под нос замасленные часы-луковицу и шипящим голосом предупреждал, что не задержится на станции ни одной лишней минуты.

Кто-то в толпе заларивчан вспомнил, что некая баба Шура еще в прошлом году ухитрилась снять пудовый противовес для перевода стрелки и приспособила его в качестве гнета для засолки капусты. К бабке помчались гонцы под предводительством уполномоченного красной партией ячейки.

Наконец «гнет» с капустными «водорослями» был доставлен и прикреплен к рычагу. К этому времени стрелочник догадался почистить забитое травой пространство между подвижными остряками и корневыми рельсами. Перекрестившись, он ухватился за рычаг перевода стрелки и не без труда перекинул его в давно забытое положение. Помощник машиниста, облегченно вздохнув, побежал к сердито пытящему паровозу.

Две теплушки и пара платформ прибывшей экспедиции были прицеплены впереди паровоза: еще в Иркутске было решено, что так проще загнать короткую сцепку экспедиции в тупик.

Машинист дал короткий гудок и осторожно двинул теплушки вперед. Скрипнув на остряках стрелки, теплушки послушно съехали в сторону от основного пути Транссиба. В толпе закричали «Ура!».

Загнав сцепку в тупик, локомотив дал задний ход и вернулся на основной путь. Стрелка общими усилиями была переведена в первоначальное положение. Паровоз дал длинный прощальный гудок и, набирая ход, застучал колесами в сторону Центральной России.

Внимание зрителей мгновенно переметнулось на теплушки и платформы, на которых стояли две обычные телеги и пара необычных повозок. Тем временем из распахнутой двери теплушки на траву прыгнули члены экспедиции – пять человек. Их моментально окружили, посыпались десятки вопросов. К экспедиции тут же пробился уполномоченный ячейки и поднял обе руки:

– Минуточку, товарищи! Ми-ну-точ-ку! Гостеприимство вещь, конечно, хорошая. И депеша от товарища заместителя начальника Иркутской железной дороги – солидная и не допускающая никаких вопросов. Но, товарищи! – Уполномоченный сделал значительную паузу, несколько испорченную громким иканием. – Бдительность, товарищи, прежде всего! Поскольку данная экспедиция состоит из иностранных граждан, мой долг – немедленно проверить все их бумаги и мандаты! А то, знаете ли, товарищи, всяко бывает: приедут с букетами, а потом отвечай за них!

Последняя часть выступления уполномоченного была встречена улюлюканьем, свистками и ехидными вопросами насчет того, сколько «букетов» активист успел нынче «принять на грудь».

Однако высокий седой старик – видимо, глава экспедиции – принял слова уполномоченного всерьез, и, сделав несколько шагов вперед, с легким поклоном протянул пачку бумаг.

Бегло просмотрев их, уполномоченный торжественно потряс бумагами:

– Ну, что, дорогие товарищи, теперь с полным основанием могу сказать: добро пожаловать в Залари, иностранные товарищи и господа!

В толпе одобрительно засвистели.

– Щас проведем короткий летучий митинг, а потом, я полагаю, все мы встретимся в клубе за общим товарищеским столом!

Переждав гул голосов, уполномоченный с надеждой закончил:

– Кто чем богат – прошу и умоляю внести долю на общий стол! Не ударим в грязь лицом перед иностранными гостями, товарищи поселщики!

Толпа, уяснив про складчину, тут же начала рассасываться. Послышались реплики: сам, дескать, и «выставляйся»! Уполномоченный растерянно оглядывался вокруг.

Почувствовав заминку, Агасфер тронул активиста за рукав:

– Вообще-то мы сыты, товарищи! Нас, знаете ли, снабдили... Так что не стоит беспокоиться. Вот местечко в деревне для временного лагеря я бы попросил определить. Желательно – помещение клуба, о котором вы упоминали. У нас научные приборы, есть даже опасный груз – гранаты. Так что – никаких расселений по избам и отдельной постановки на постой. Немного отдохнув, мы начнем подготовку к завтрашнему испытанию. А завтра, надеюсь, уже двинемся дальше.

Сельский клуб летом, как правило, пустовал – так что пожелание иностранных ученых было вполне выполнимо. С платформ были сброшены сходни с набитыми поперечными рейками, и с помощью деревенских добровольцев по ним спустили на землю телеги, тарантасы и лошадей. А уже через четверть часа те же добровольцы привели кавалькаду к клубу – заброшенному зданию на краю села.

Было ясно, что клуб пережил за последний десяток лет немало событий. Его стены были увешаны старыми плакатами и лозунгами, иной раз противоречащими друг другу по содержанию и идеологическим мотивам. «Вся власть – Учредительному собранию!», «Долой министров-капиталистов!», «Залари – территория Советов!», «Добро пожаловать тов. Свияжскому!», «Анархия – мать порядка на земле!»

Изнутри клуб тоже представлял собой запущенную и слегка дикую территорию. Десятка два скамеек, сдвинутых в один угол помещения, небольшая сцена с длинным «председательским» столом и дюжиной разномастных, большей частью поломанных и покривившихся стульев, обрывки занавеса, поеденного мышами. Когда дверь распахнулась, во все стороны брызнули десятки крыс, нашедших здесь пропитание в виде остатков лозунгов и плакатов.

Уполномоченный, слегка сконфуженный видом клуба, почесал в затылке и пообещал пригнать с десятков баб для того, чтобы те подмели заплесанный и щедро покрытый окурками пол, но Агасфер решительно отказался:

– Знаете, мы, пожалуй, переночуем в телегах, на сене... Вот вы мне лучше подскажите, товарищ начальник, не найдется ли в Заларях какого-нибудь старого учителя? Или знатока местных географических достопримечательностей? Я бы с удовольствием пообщался с таким...

– У нас? Учитель? – Уполномоченный снова полез чесать дремучий затылок. – Дык школу еще в девятнадцатом годе закрыли, учительки уехавши...

– Ну, пусть не учитель, – поправился Агасфер. – Пусть будет опытный охотник: насколько я понимаю, Транссиб проходит в этих краях по старому Московскому почтовому тракту.

Неужели у вас в окрестностях нет никаких достопримечательных мест? Пещер, старых могильников, разломов в породе, скальных образований? Мы бы заплатили – хоть продуктами, хоть деньгами. Правда, наши ресурсы не слишком велики...

– Охотники на селе есть, как без них, – согласился активист. – Только вот по достипри... досто... По могильникам, в общем, оне не петрят! Силки на зверя, косулю добыть – это они могут. А все остальное – прямо и не знаю!

Берг терпеливо вздохнул и начал с другой стороны:

– А гражданка Ханжикова вам не знакома, товарищ уполномоченный? Мне про нее еще в Чите рассказывали...

– Ханжикова? Мария которая? А как же, товарищ иностранец! Тока никакая она не учителька – гувернанткой у здешнего богатея служила. Из старорежимных барышень, – недовольно шмыгнул носом активист. – Не рабоче-крестьянского поля ягодка, прямо скажу!

Он подозрительно прищурился на Берга:

– А позвольте спросить, товарищ дорогой: как вы в Чите про Машку Ханжикову слышать могли, ежели она вовсе иркутская?

– С братом ее я в Чите познакомился, он там служит, – неконкретно сообщил Агасфер, еще не решив – стоит ли говорить сельскому пропойце о месте службы Михаила. – И с чего вы взяли, товарищ, что она не рабоче-крестьянского происхождения? Из старорежимных барышень? Ее отец, насколько я знаю, старый железнодорожник, брат в красной дружине состоял при Иркутском депо...

– Железнодорожник? Брат-коммунар? А как же Машка тогда в институтах для благородных обучалась? – растерялся активист. – Она никогда не говорила...

– Имейте в виду, дорогой товарищ, что в Институте благородных девиц не только дворянские дети обучались, – вставил Берг.

– Этого мы не знаем, в городе Иркутске жительства не имели! – упрямо насупился уполномоченный. – Да она вообще ни с кем из села не говорила, с задраным носом все ходила. Как приехавши в осьмнадцатом годе, так сразу на подворье Курсанова шмыгнула. Дитёв евонных наукам обучала, как же! А когда ячейка в двадцатом годе купчин за эксплуатацию прижимать стала, ушла она от Курсанова, угол у старухи Петраковой снимать стала. Только я так понимаю, купчина с нею ячейку вокруг пальца обвел! Для вида уволил, а она с купеческими дочками возюкаться продолжала. Как же! А когда ячейка ее добром попросила с сознательными крестьянами неграмотность ликвидировать – после первого занятия отказалась напрочь!

Агасфер вздохнул. Наверняка «сознательные крестьяне» попытались обходиться с городской барышней так же, как со своими деревенскими девками. Отпускали соленые шуточки, щипали за зад, пытались прижать где-нибудь в сених. Однако говорить об этом с этим полупьяным субъектом – только время терять...

– Хорошо, бог с ней, с Марией Ханжиковой. А про банду Замашикова что мне сообщить можете? Наша экспедиция ведь на местности работать должна – это не опасно?

Уполномоченный заметно помрачнел, часто зашмыгал носом:

– А что атаман? Он в Залари и прочие местности никогда не суется, простых крестьян не забижает. То есть он бандит, конечно! И для советской власти враг – кто спорит-то? И В Хор-Тагне красный актив его байстрюки вырезали... Но я ведь товарищу Плыгину в Черепаново отписывал: не трогать вы Костю Замашикова! Он сам к зиме уйти отсель должен...

Уполномоченный распинался в своей неопределенности еще минут пять, и за это время Берг даже проникся к нему некоторым сочувствием: ну как тут требовать от человека классовой стойкости и непримиримости, если на много верст кругом тайга да горные увалы. Отряд ЧОН где-то далеко, и наверняка не успеет выручить своего активиста, если тот поссорится со всеильным таежным атаманом... Поэтому Агасфер, ворвавшись в первую длинную паузу,

поспешил поблагодарить уполномоченного и, сославшись на неотложные дела, скрылся в диковинном заларинском клубе.

Снова вспомнив про поручение Михаила Ханжикова, Берг подумал, написал короткую записку – подозревая заларивчан в излишнем любопытстве, на немецком языке.

Sehr geehrte Frau Khanzhikova! Ich brachte aus Chita Brief von Ihrem Bruder Michael, jedoch ohne Ihnen präsentiert wird, ich bin in einem Dilemma in Bezug auf den Transfer-Prozess. Geruhe mich mit dem Jungen davon zu erzählen. Mit freundlichen Grüßen – Michael von Berg²⁴

Он вышел на улицу и поймал за подол рубашки первого мальчишку, показал ему серебряную царских времен монету:

– Знаешь Марию Ханжикову, которая у старухи Петраковой угол снимает? Ага! Снеси ей записку, малец. Принесешь ответ – денежка твоя!

– На что мне твоя денежка? – оскорбленно фыркнул посланец. – На нее разве что спички в красной лавке дадут... Ты мне, барин, лучше в трубки со стеклышками дай поглядеть – тогда снесу!

– В трубки со стеклышками? – переспросил Берг и тут же догадался. – А-а, бинокль! Отчего не дать – дам, только прежде записку снеси. И не разворачивай бумажку – все одно не поймешь там ничего!

Не прошло и получаса, как Безухий Ху сообщил:

– Из деревни молодая женщина сюда бежит. С мальчишкой. К тебе, Берг?

– Наверное. Евстратий, давай-ка гостинцы от Ханжикова. Думаю, что в этакий свиначник образованную девицу приглашать не стоит...

Выйдя из клуба, Агасфер увидел подбегающую женщину, одетую по-городскому – разве что вместо непременно шляпки на голове у той был наброшен серый деревенский платок. При виде Берга женщина перешла с бега на шаг, поправила платок.

– Herr Baron? Guten Tag, ich bin Marina Khadzhikova, – произнесла она грудным голосом, чуть запыхавшись. – Die Notiz erwähnt, dass Sie einen Brief von meinem Bruder²⁵.

– Das ist richtig, Fräulein! – поклонился Берг. – Und vor allem, lassen Sie mich Ihnen sagen, dass ich nicht von einer so großen Berlin Aussprache vierzig Jahre lang gehört haben! Hier ist ein Brief von ihm²⁶...

Он с поклоном передал записку и тут же перешел на русский язык:

– Кроме письма, Михаил просил передать вам небольшие сувениры, или, по-русски, гостинцы.

Женщина тут же развернула письмо, принялась читать. Не дочитав, засыпала Агасфера вопросами:

– Боже мой, Мишенька, братец! Я три года не видела ни его, ни папу с мамой. Как там Михаил? Вы давно видели его? Наверное, совсем взрослым стал?

Берг откашлялся, протянул собеседнице сверток:

– Вот, он просил передать. С Михаилом я знаком, собственно говоря, не очень давно. Познакомились в Чите, он служит в Красной армии, командует взводом. Очень приятный молодой человек. И совсем взрослый, уверяю вас! Мы должны были приехать сюда вместе, но... Военная ситуация в Чите изменилась, и его вместе с бойцами отозвали. Он много расска-

²⁴ Дорогая госпожа Ханжикова! Я привез из Читы письмо от вашего брата Михаила, однако, не будучи представленным Вам, нахожусь в затруднении относительно способа передачи. Благоволите сообщить мне об этом с мальчиком. Искренне ваш – Михаил фон Берг (нем.).

²⁵ Господин барон? Здравствуйте, я Мария Хаджикова. В записке было сказано, что вы имеете известия о моем брате (нем.).

²⁶ – Совершенно верно, фройляйн! И позвольте вам заметить, что такого великолепного берлинского произношения я не слышал лет сорок! Вот письмо... (нем.)

зывал о вас, госпожа Ханжикова. Из его рассказов я сделал вывод, что вы были очень дружны. А вот про ваших родителей я, увы, ничего сказать не могу: они ведь живут в Иркутске?

– Да-да, в Иркутске, я просто не подумала, – Ханжикова снова уткнулась в письмо, прочитала его до конца и снова подняла на Берга сияющие глаза. – А вы, барон, прибыли в наши пенаты с экспедицией, которая переполюшила всю деревню? Вы немец?

– Если быть точным, то я русский дворянин, прибывший в Россию из Шанхая со шведским паспортом, – улыбнулся Берг. – И простите, ради бога, что я беседую с вами на улице и не приглашаю вас в помещение: там э... не слишком уютно.

– Русский из Китая... Шведский паспорт, – повторила Ханжикова. – Все это как-то сложно. Да и я взволнована известиями о брате. А вы надолго в Залари, барон? Вы еще увидите с Мишей? Я тоже хотела бы написать ему...

– Написать вы успеете, госпожа Ханжикова. Вот только насчет вашего брата я не уверен: мимо Читы наша экспедиция не проедет, а вот будет ли там Михаил? Военные люди часто не располагают собой... И вот что, сударыня: не называйте меня бароном! Мое имя Михаил Карлович, с вашего позволения.

– Тогда и вы не кличьте меня госпожой, Михаил Карлович: в России так обращаться нынче уже не принято. Мария Родионовна.

– Хорошо, Мария Родионовна, – поклонился Берг. – Просто мне показалось, что образованной девице, волею судьбы заброшенной в такую дремучую глушь, такое обращение будет приветом из беззаботного прошлого. Что же касается вашего намерения написать брату, то не спешите: завтра мы покинем Залари и проведем полевые исследования по пути в Тыреть. Сюда мы вернемся непременно: на станции остается наше имущество. Но вот когда вернемся – сказать затрудняюсь.

– Недели две? Три?

– Все зависит от того, найдем ли мы в Заларях толкового проводника, который мог бы рассказать об окрестностях вашего села. У Заларей замечательная история, я читал об этом в специальной литературе. Но, как вы понимаете, сударыня, одно дело читать, и совсем другое – видеть собственными глазами! Однако после разговора со здешним красным уполномоченным я начал сомневаться, что кто-нибудь мне поможет. Бог мой, он о здешнем бандите, Замашикове, толком ничего рассказать не мог!

– И никто из местных о Замашикове говорить не станет, Михаил Карлович! – вздохнула Ханжикова. – Не судите строго этих людей: вы уедете, а они останутся. А у него в Заларях много глаз и ушей. И не приведи господи, если еще и передадут ему что-то искаженно. Атаман шутить не любит!

Ханжикова замолчала, машинально теребя ленточку на гостинце брата. Потом вдруг вскинула на Берга глаза:

– А знаете что, Михаил Карлович? Приходите ко мне пить чай вечером! Я вам все-все могу рассказать! И местные достопримечательности знаю, и про Замашикова. Нет, правда, приходите! Я сейчас кухарку коммерсанта, у которого с детьми работала, попрошу булочки испечь – Дарья просто изумительные булочки печет! Медом сибирским угощу, вареньем из лесных ягод – сама собирала! Придете? А вы о Мише мне все расскажете, о городских новостях. Я ведь тоже тут за три года мхом поросла, от жизни отстала, – Мария Ханжикова рассмеялась так искренне и заразительно, что Берг невольно улыбнулся. – И конечно, я приглашаю все вашу экспедицию!

Берг был внимательным собеседником. И сразу обратил внимание на короткую заминку Марии после ее признания об «отсталости от жизни». Ему не надо было растолковывать, что вся экспедиция была приглашена на вечерний чай больше из вежливости. К чему ей собирать у себя дома всю разношерстную команду? Конечно же, она хотела прежде прочего поговорить о брате – все остальное было приложением. Наверняка Ханжиковой не хотелось давать дере-

венским кумушкам пищу для пересудов – что неминуемо произойдет, приди Берг к одинокой женщине один. И он мгновенно нашел свое решение проблемы.

– Сударыня, я непременно приду попробовать булочки с медом – знаете, к старости я становлюсь сладкоежкой! Но вот всех взять с собой я, увы, не могу – не обессудьте! Во-первых, мы не можем бросить свои научные проборы. Во-вторых, трое членов экспедиции – китайцы, которые плохо говорят по-русски, им будет неинтересно. Если вы не возражаете, я приду с сыном. Он больше моего общался с вашим братом – они почти ровесники. Ну, и вам такой собеседник будет интересен: он учился в Лондоне и Болонье, успел повидать мир. Согласны?

– Как скажете, Михаил Карлович! – Ханжикова взглянула на Агасфера с благодарностью. – Значит, я сейчас бегу к Дарье? Вот и прекрасно! А когда булочки поспеют, я пришлю за вами мальчишку, он покажет дорогу... И знаете что? Я, кажется, знаю человека, который будет вам полезен как гид по окрестностям. Если, конечно, вы человек без предубеждений...

– Без предубеждений? – чуть сдвинул брови Берг.

– Дело в том, что это человек с прошлым, как говорят. С сахалинским прошлым: он когда-то был каторжником. Потом началась русско-японская война, и каторгу распустили, – Ханжикова, неправильно оценив изумленно вскинутые брови собеседника, заторопилась:

– Феденька хороший, не сомневайтесь! Я в людях разбираюсь! Он из студентов-медиков. Добрался после Сахалина до Заларей и остался здесь. Фельдшерил, да и сейчас стариков лечит. Они в нем души не чают, хоть Феденька и прозвище имеет – Варнак. А самое главное – он все окрестности в Заларях облазил. Старые легенды и сказания записывал, опубликовать мечтал. Только кому это теперь нужно... И он, я уверена, был бы рад с ученым человеком пообщаться. Впрочем, если вам такой гид не нужен – я ничего Феденьке не скажу...

– Отчего ж не нужен? – улыбнулся Берг. – Интересно даже. Я вам по секрету, Мария Родионовна, сказать хочу: ежели ваш Варнак на Сахалинской каторге перед самой войной пребывал, вполне возможно, что мы знакомыми с ним окажемся!

– Эт-то как? – приоткрыла рот Ханжикова.

– Да нет, я не каторжник, сударыня! – рассмеялся Берг. – Одно время был чином тюремной администрации на страшном острове, только и всего!

* * *

Сборы на вечернее чаепитие вышли весьма хлопотными. Берг посчитал неудобным являться к молодой женщине в простой полевой куртке и искренне клял свою недалекость в выборе одежды для поездки. Медников, не выдержав самобичевания старого друга, в конце концов предложил ему свой сюртук. Тот оказался Бергу слишком просторным и к тому же изрядно помявшийся в вещевом мешке за время путешествия по Дальнему Востоку. Выручил Агасфера Линь. Молодой китаец, к удовольствию шефа экспедиции, оказался и изрядным портным. Вооружившись иголкой и нитками, он за каких-то полтора часа подогнал сюртук до нужного размера в поясе и рукавах, а потом мастерски отгладил одежду с помощью утюга, принесенного крутившимися в лагере экспедиции деревенскими мальчишками.

Устроив дела с гардеробом, Берг обнаружил, что его волосы после отъезда из Шанхая просто неприлично отрасли, и покладистый Линь, признавшись, что неплохо владеет ножницами, привел прическу Агасфера в порядок.

Андрей, все время подтрунивавший над суетой отца, ближе к вечеру тоже стал задумчивым и дважды перевернул вещевые мешки в поисках приличной рубашки. Наблюдавший за ним Медников не без ехидства сообщил, что второго сюртука у него, к сожалению, нет. Андрей совсем было уже собрался заявить отцу о своем отказе от визита, однако Безухий нашел выход из положения, предложив молодому человеку дополнить белую шелковую рубашку меховым жилетом-безрукавкой.

– В таких нарядах в Шанхае выступали приезжие плясуны из Румынии, – со свойственным ему мрачным видом сообщил Безухий. – А женщины аплодировали им как бешеные...

Поначалу Андрей счел совет изощренным издевательством, однако, примерив жилет, нашел предложенный наряд по меньшей мере оригинальным.

Само чаепитие у Марии Родионовны Ханжиковой удалось на славу. Булочки от кухарки Дарьи, благоухающие в большой корзине, исчезали с катастрофической быстротой – с самой деятельной помощью Андрея. Берг то и дело делал сыну страшные глаза и укоризненно поджимал губы, тот виновато моргал и даже демонстративно прятал руки в карманы. Впрочем, через пару минут руки, словно сами по себе, оказывались на столе, а потом одна из них невзначай ныряла в корзину, и Андрей снова принимался жевать.

На столе был выставлен мед нескольких сортов, варенья, джемы и мармелады из лесных ягод, кедровые орешки. Присоединившийся к компании Феденька-Варнак дополнил это сибирское изобилие бутылкой с таежной настойкой, приготовленной, как он утверждал, по эксклюзивному рецепту на редких целебных травах.

Мария Родионовна, выпившая две рюмки настойки, была в ударе. Она много и остроумно рассказывала о «старорежимном» Иркутске, о Девичьем институте, в котором училась, в лицах изображала классных дам и преподавателей с «пунктиками». Гвоздем ее институтских воспоминаний был торжественный бал, который почтил своим присутствием возвращающийся с Дальнего Востока в Петербург великий князь Николай Александрович. В доказательство своих слов Ханжикова продемонстрировала гостям кусок платка будущего последнего императора России, помещенный в рамочку под стеклом. Потешаясь над собой, Мария Родионовна призналась, что сама, будучи в группе младших воспитанниц, с цесаревичем, конечно же, не танцевала. А кусочек подаренного им платка выменяла позже у старшей подруги за коллекцию бабочек²⁷.

Чуть поломавшись для приличия, Ханжикова даже немного поиграла на гитаре, аккомпанируя Феденьке-Варнаку – у исполнителя с тщедушной и даже несколько комической внешностью, к удивлению Берга, оказался неожиданно сильный тенор.

Около полуночи Берг, спохватившись, решил, что гостям пора и честь знать. Варнак тут же вызвался проводить приезжих до клуба.

Залари давно уже спало, погасив все огни. Однако полная луна освещала неширокую улицу и дома голубоватым светом, делая все окружающее сказочным и призрачным. Берг, глубоко дыша полной грудью, легко определял на опрокинутом бездонном небе знакомые созвездия и несколько раз с удовольствием подумал о том, что не зря все-таки согласился побывать в России. Он вполуха прислушивался к неумолчному бормотанию Феденьки, семенящему рядом, и изредка вставлял вежливые реплики.

– Настоящий исход какой-то был из России, – вспоминал тот зиму и весну прошлого года. – Люди ехали на поездах, в телегах, шли пешком – и все, знаете ли, в одну сторону, на восток, к Великому океану, то есть... А сколько их померло в дороге! Да вы и сами увидите, как в Тыреть завтра двинемся, Михаил Карлович... Где крест стоит у дороги, где просто бугорок, могилка безымянная то есть... Гм! А подальше от дороги и вовсе кости белеют людские: зимой-то как могилку выкопаешь? На Заларинском погосте душ тридцать в тую зиму схоронили, да... Мне одна беженка запомнилась, знаете ли. Удивительная женщина, иначе не скажешь: дворянка, вдова. Ее едва живую беженцы при больничке оставили помирать, а я мимо не мог пройти. Уговорил тогда Марию Родионовну, взяли мы несчастную в дом, лечили...

– Вылечили?

²⁷ Цесаревич Николай Александрович, совершая кругосветное путешествие, в конце июня 1891 года действительно посетил Иркутск. Во время своего пребывания в Иркутске наследник престола изволил осчастливить своим посещением и Девичий институт Восточной Сибири, и даже удостоил посещением вечер в Институте. Подаренный им во время танцев платок был разорван воспитанницами на мелкие кусочки, чтобы оставить каждой память об этом вечере.

– Куда там! У нее легкие насквозь промерзшее были, двухстороннее крупозное воспаление. Померла, царствие ей... История у нее удивительная, я хотел сказать... Из Петербурга дамочка – представляете, до Сибири оттуда добраться сумела? Двух сыновей на Германской потеряла, третий в дороге где-то сгинул, да... К Мишелю своему рвалась так сильно – беженка-то, представляете, Михаил Карлович?

– К Мишелю? К французу? Вы же упомянули: вдовой была, – вежливо удивился Берг.

– Ах, там совсем другое, – замахал руками Варнак. – Мишелем была любовь ее юности, знаете ли... Сгинул ее Мишель в каких-то передрягах, а потом объявился – когда она уже детей от другого народила и овдовела. Жалковала все дамочка: упустила, мол, Мишеля, не удержала... Поверила, мол, что в одну реку не войдешь дважды. По-латыни, собственно, выражалась: *In idem flumen bis non descendimus*... Что это с вами, Михаил Карлович?

Берг круто остановился, повернулся к Варнаку, крепко взял его за плечи:

– Откуда вы все это знаете, Федор?

– Ох... От Марии Родионовны, собственно говоря... Гм, да-с, от нее: она дамочку ночи напролет выхаживала. Простите, ежели я вас как-то невзначай того...

Берг отпустил щуплые Феденькины плечи.

– Да нет, не может быть, – пробормотал он, взявшись за виски. Снова повернулся к собеседнику. – Просто невероятно... А имя? Имя той беженки не помните?

– А как же-с! Как не помнить, ежели сам с госпожой Ханжиковой и схоронил несчастную? Имя на кресте выжигал, да... Настасья Петровна Соколова, вот! Урожденная... урожденная, – Варнак виновато поднял плечи. – Выскочило из головы, как назло, простите великодушно! Мария Родионовна, может, помнит? Завтра спрошу...

– Бельская? – глухо спросил Берг.

– Точно, Бельская! – Варнак звонко хлопнул себя ладонью по лбу. – Урожденная Бельская! Но как?... Но вы-то, господин Берг, откуда?... То есть...

Агасфер, постояв несколько мгновений, развернулся и зашагал было назад, к дому Ханжиковой. Снова остановился. Андрей подбежал, ухватил отца за здоровую руку:

– Папа, что с тобой? Ты словно привидение увидел... Кто эта женщина? Ты ее знал?

– *In idem flumen bis non descendimus*²⁸, – повторил Берг.

Не отвечая на вопросы встревоженных Андрея и Варнака, он несколько раз глубоко вздохнул, взял себя в руки и попытался улыбнуться:

– Простите, друзья! Я, наверное, злоупотребил вашей настойкой, Федор. Пойдемте!

У клуба, в окружении телег горел костер. Распрощавшись с Федором, Берг с Андреем пошел к товарищам. Рассеянно выслушал «доклад» дежурного по костру Медникова, похлопал его по плечу:

– Иди спать, старик! Я подежурю, все одно не спать нынче. Иди-иди, Евстратий!

– Что стряслось, Бергуша? – насторожился старый сыщик. – Ты сам не свой вернулся...

– Потом, Евстратий! Потом поговорим. А пока ступай!

Медников, больше не споря, направился к своей телеге. Помедлив, Андрей направился вслед за ним: он понимал, что нынче отец все равно ничего ему не расскажет.

Берг накинуд на плечи просторный сторожевой тулуп, оставленный Медниковым. Подбросил в огонь несколько валежин и присел на колоду у костра. Рассеянно глядя на взлетающие искры, он думал о том, что человеку от своего прошлого никогда и никуда не деться. Прошлое преследует всю жизнь, не дает о себе забыть.

На полную луну набежало облачко, и Агасфер поплотнее запахнулся в тулуп: надвигающаяся сибирская осень предупреждала о своем приходе ощутимой ночной прохладой.

²⁸ Нельзя в одну реку войти дважды (лат.).

Берг сунул здоровую руку в карман тулупа и нащупал там винтовочный патрон. Вынул его, покатал в ладони. Глубоко задумавшись и погрузившись в воспоминания, он не заметил неслышную и неясную тень, выскользнувшую из-за клуба. Пригнувшись, тень подобралась совсем близко, и Берг вздрогнул, когда ему в шею уперлось что-то холодное. Винтовочный ствол?

– Хорош караульный! – прошелестел за спиной насмешливый голос. – Скинь ружье-то с колен, да подальше отодвинь, убогий! Вставай!

Глава тридцать третья

Тень прошлого

(Сибирь, станция Залари, 1921 год)

Атаман Константин Замашиков длинно сплюнул в угол и с удовольствием пересел с лавки в неуклюжее деревянное «командирское» кресло, погладил шершавыми ладонями суконную обивку письменного бюро на вычурных гнутых ножках.

И кресло, и бюро было с немалыми трудностями перевезено на дальнюю заимку еще в прошлом году из села Хор-Тагна, когда отряд атамана совершил туда налет и опустошил кассу заготовителей пушнины. Не удержался атаман и от расправы с тамошними красными активистами. И когда совсем было собрался Замашиков покидать заготконтору, бросив на порог жестянку с подожженным керосином, как увидел в дальнем углу это кресло и дамский столик-бюро.

Атаман мгновенно сориентировался и пронзительно свистнул, подзывая своего адъютанта. Распорядился: кресло и стол взять с собой в числе прочих трофеев! Адъютант скривил физиономию:

– Константин Борисыч, да ты чё?! Куды эту рухлядь тащить? Нешто на твою дальнюю заимку? Телеги-то в урочище Жежем не походят, на лошадей выючить придется. Зачем тебе энти деревяшки?

Замашиков зло прищурился, демонстративно почесал стволом револьвера лоб:

– А я тебе отчет давать должен, рыло? Выполняй приказ командира, пока я лично на тебя мебелью не навьючил!

Разумеется, приказ был выполнен, и стол с креслом переехали из Хор-Тагны на таежную заимку на реке Вердикуль, избранную Замашиковым своей постоянной штаб-квартирой. Атаман знал, что его бойцы – бывший прапорщик царской армии предпочитал именовать «личный состав» своего отряда именно так – втихаря подсмеиваются над его причудами. Знал – но не обращал внимания: пусть смеются, главное – он сам себе нравился в этом кресле и за этим столом. Особенно во время проведения заседаний своего штаба. Да и разбирать агентурные донесения и пересланные его доносчиками документы было за столом гораздо приличнее, нежели на деревенской лавке где-нибудь в запечье.

Вот и сейчас командиру предстояло рассмотреть последние донесения и принять непростое решение, определиться – что делать с невесть откуда свалившейся в Залари буржуйской научной экспедицией.

Атаман вытянул из ящика папку с бумагами, раскрыл и принялся перелистывать.

**ТЕЛЕГРАММА ВОЕНКОМА ЧЕРЕМХОВСКОГО УЕЗДА ВОЕНКОМУ
ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

г. Черемхово 30 июля 1921 г.

«...» При выполнении разверстки ожидаются затруднения-препятствия со стороны Олонской, Голуметской, Заларинской волостей, кои отказались от выполнения разверстки, мотивируя отказ неимением требуемого от них количества [продовольствия]. Предположение продтройки – разверстка выполнима.

Начгар, увоенком Грубер Адъютант, секретарь Емельянов

Замашиков усмехнулся: конечно, отказываются крестьяне! Зачем им нахлебников городских кормить, коли свои рты голодными остаются?

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 3 ЗАСЕДАНИЯ ИРКУТСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ТРОЙКИ**

Присутствовали: председатель губревкома А. Д. Шнейдер, председатель губчека А. П. Марцинковский, губвоенком В. С. Певзнер.

Слушали: о появлении отрядов белогвардейских банд в районе Заларинской волости.

Постановили: ввиду отсутствия достаточного количества воинских сил и малого состава милиции (17 человек) поручить тов. Певзнеру в четырехдневный срок организовать отряд в количестве от 80 до 100 человек, для чего тов. Певзнер входит в сношение с начдивом 35-й дивизии тов. Нейманом. В случае невозможности получения оттуда воинской силы, составить таковую из частей ВОХР совместно с отрядом губчека.

Председатель Шнейдер

Члены: Певзнер, Марцинковский

Замашиков дернул ртом, довольно покивал: уважает его, Костю Замашикова советская власть, если собирает для борьбы с ним целую сотню штыков!

Он переложил еще несколько документов в папке и, наконец, добрался до самого нужного.

**ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУКОВОДЯЩИХ
ОРГАНОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ**

г. Иркутск — августа 1921 г.

Присутствовали: заместитель председателя губчека и начальник особого отдела В. М. Алексеев, заведующий секретно-оперативным отделом К. И. Сутто, заместитель начальника особого отдела Слонимский, заместитель губвоенкома Н. Г. Герасимович, военком Иркутского уезда Жуковец, начальник милиции Иркутского уезда Печенев.

Слушали: о приезде в Заларинскую волость иностранной экспедиции из Шанхая (проф. М. Берг) для исследования земли и определения очагов землетрясений.

Постановили:

1) Принять к сведению сообщение уполномоченного Сибревкома тов. Горностаева о лояльности упомянутой экспедиции к советской власти и правительству Дальневост. Респ., а также личное поручительство председателя правительства ДВР тов. Краснощекова.

2) Разрешить экспедиции поводить научные работы в р-не с. Залари, Тыреть и др. на территории волости.

Атаман вынул из запертого ящичка бюро толстый красно-синий карандаш, огромную по нынешним временам диковину. Усмехнулся: не дай бог, бойцы прознают, что именно из этого карандаша и была проведена экспроприация на Троицком маслозаводе. Знал Замашиков, что денег в тамошней кассе кот наплакал, а вот канцелярскими принадлежностями красный директор был на диво богат!

С удовольствием покрутив карандаш в пальцах, выбрал для пометок синюю половину и подчеркнул ею цели иностранной экспедиции и имя ее начальника, какого-то проф. Берга. Интересно девки пляшут, подумал атаман. Интересно: из Шанхая экспедиция приехала, а имечко у профессора немецкое... Ну, что ж, разберемся и с немцем этим шанхайским!

Потянувшись, Замашиков дернул за свешенную с низкого потолка поволоку, и над крыльцом зимовья брякнули связанные сигнальные железки. Через пару минут дверь взвизгнула ржавыми петлями, и в зимовье просунулся адъютант Терёха.

– Звал, командир?

– Звал, звал... Там, кажись, Петро из Заларей нынче утром прибег? Покличь-ка его...

– Чичас исделаем...

Через некоторое время дверь опять завизжала, и адъютант, впихнув в зимовье деревенского гонца, укоризненно кашлянул:

– Командир, дозвожь петли смазать! Скрипят, проклятые, как ты сам-то терпишь?

Замащиков откинулся на спинку кресла, мельком глянул на кланяющегося гонца и перекинул глаза на адъютанта:

– Дурак ты, Терёха, хоть и адъютант! Спецом я петли не мажу – а тебе и невдомек! Вот хоть у Петра спроси – отчего я такой скрип противный терплю? А, Петро?

– Воля ваша, Константин Борисыч... Задумку, стало быть, такую имеете... А мне откуда знать командирские задумки?

– Такой же дурень, – широко зевнул атаман. – Дурень и мякинное рыло! Петли скрипучие – лишний сторож мой! Полезет кто тайком в зимовье – железо ржавое меня и разбудит, не даст глотку перерезать... Учишь вас, учишь... Ладно, подойти, Петро. Рассказывай, что в деревне нового!

Петро, положив шапку на лавку у двери – чтобы не мешала руками махать, – принялся обстоятельно рассказывать. Начал, зная крутенький нрав атамана, с его прошлогоднего поручения:

– Ефим в деревне объявился, Константин Борисыч!

– Да ну? – хохотнул Замащиков. – Стало быть, не усидел на своей заимке?

– Не усидел, – подтвердил доносчик. – Только он стережется в Заларях объявляться, старуху Агееву на свиданку в тайгу вызвал как-то. Мне шепнули евонные суседи: мол, старуха в избу Ефима два раза приходила, узлы какие-то носила к себе – ну, я у ней в огороде и засел. Два дня караулил, Константин Борисыч, а на третий она с узлами через чугунок в тайгу поперлась. И я за нею...

– Два дня в засаде сидел, говоришь? А если б старуха твоя за травками просто в тайгу поперлась?

– Нюх у меня, Константин Борисыч! Нюх! Как Ефим прошлой осенью с контуженым офицериком в тайгу ушел, я все время его дожидался. Мыслил себе: не может охотник без припасов на зиму в тайгу уйти! И караулил... А он вишь чего придумал – старуху в связные определил...

– Ну и как? Выследил старуху?

– Какое там, Константин Борисыч! Ефим – мужик хитрый, в условное место старуху приглашал. Принесет ему Агеева то, что требуется, а Ефим обратно к себе на заимку один возвращается. Поостерегся я за ним идти, Константин Борисыч! Ефим лесовик, тайгу до тонкостей знает. В болото завести может или под самострел... А то и сам петлю в тайге даст, как заяц, навстречь выйдет и из винтаря жизни лишит.

– Жить, стало быть, хочешь, Петро? Нравится тебе на сем свете? Ладно... Старуху-связную ефимовскую определил – и на том спасибо. Со срочными делами разберусь – пришлю к тебе людишек, покажешь им старуху Агееву. Потолкуют они с нею или ко мне привезут – сам поговорю. Дальше давай, докладывай!

– Слушаюсь, Константин Борисыч! – Петро достал обрывок бумажки и начал докладывать про продовольствие и фураж.

Подробно перечислил – кто и сколько из деревенской родни бойцов выделил личному составу отряда на пропитание. Посетовал на недавние дожди: не вовремя они, треклятые, зарядили – овсы полегли, а убрать и сберечь рук в деревне не хватает. Стало быть, искать где-то на стороне надо конский корм.

Атаман, вытянув длиннющие ноги так, что на аршин из-под куцега стола вылезли, слушал невнимательно, зачиненные кончики своего карандаша знаменитого осматривал, острым лезвием ножа поправлял. Наконец, перебил докладчика:

– Про дожди я и сам знаю, дурак! Будет день – будет пишша. Ты про экспедицию расскажи-ка! Не чоновская ли это заманка?

Докладчик развел руками: а что экспедиция? Известное дело, ученые иностранцы! Не-е, на подставу Плыгина никак не похоже. Во-первых, бойцов в экспедиции нету – разве что два молодых китайца да один русак. Остатние – старики, причем главный там – и вовсе однорукий. Не-е, никакой это не ЧОН!

Приехали ученые иностранцы на своих вагонах, со своими телегами и лошадьми. Теплушки – обыкновенные, а вот телеги особенные. Петро даже головой в восторге покрутил: колесья на подшипниках, рама усиленная, железная. Легкие телеги, пальцем ткни – и поедет! И на неудобьях можно подкрутить колесья так, что через любую яму телега переедет, во как! Кони тоже добрые, монгольские. Ростом невелики, как все «монголки», но бежать весь день напролет могут...

– Оружие у них есть? – перебил Замашиков.

И оружие у господ иностранцев имеется, подтвердил докладчик. На виду только у китайцев – старого, безухого и у молодого одного. Карабины. Безрукий старик, когда из вагона вылезал, маузер выронил – за пояс сзади заткнут был. А что в телегах под рогожами – бог весть! Но максим у буржуев точно имеется – потому как мальцы короб патронный с лентами углядели. И цельный ящик гранат, которыми ученые взрывы подземные производят.

– Пулемет максим – это серьезно, – согласился атаман. – Как же это власти буржуям иностранным пулемет иметь, гранаты дозволили? Ну, да ладно... Что делать будут, куда и когда поедут на своих телегах?

О планах своих буржуи особо не распространяются, сокрушенно признался Петро. Говорят, что в Тыреть поехать им нужно – а когда? Неизвестно. Проводника ищут, а еще этого... Как его? Э-э...

– Ну, чего сопли жуешь? – рыкнул Замашиков. – Кто им еще требуется?

Петро даже вспотел от напряжения. Долго беззвучно шевелил губами, потом бессильно развел руками. Гада какого-то поминали, что ли? – Гида, может?

Может, и его, неуверенно согласился гонец. Диковины окрестные им интересны, вот! И человек нужен, которые им эти диковины показать может. Только они такого человека, похоже, уже нашли!

– Это как? Откель в Заларях гиды городские? – недоверчиво хмыкнул атаман.

Петро самодовольно рассмеялся:

– Варнак, каторжник! Он после японской войны в деревне объявился, да так и прижился тут. Все вокруг Заларей который год облазывает. И на Шаман-горе бывал, и чертовщину на слиянии Черной и Белой Тагны слушал... Откуда я про Варнака прознал? Оченно даже просто, Константин Борисыч! Буржуйский однорукий командир с молодым парнем вчера в гости к городской барыньке Ханжиковой ходили. И Варнак туды приперся. А старая карга Петракова, у которой барынька пол-избы снимает, под дверью все как есть подслушала! Варнаку предложили, он и согласился. А кто откажется, Константин Борисыч, ежели однорукий ему царские червонцы на службу посулил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.